Роман — лауреат Пулитцеровской премии

ЛАРРИ МАКМЁРТРИ

ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

Моя любимая книга? Их так много, что выбрать очень трудно… Пожалуй, я бы назвал «Одинокого Голубя» Ларри Макмёртри.

Стивен Кинг

АЗБУКА

18+

Большой роман (Азбука)

Ларри Макмёртри

Одинокий голубь

«Азбука»
1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макмёртри Л. Д.

Одинокий голубь / Л. Д. Макмёртри — «Азбука», 1985 — (Большой роман (Азбука))

ISBN 978-5-389-35905-5

Классика современной американской литературы, «„Война и мир“ от вестернов», этот поистине легендарный роман получил Пулитцеровскую премию, был переведен на множество языков, разошелся по миру тиражом свыше 4 миллионов экземпляров, успешно перенесен на телеэкран (в ролях Роберт Дюваль, Томми Ли Джонс, Анжелика Хьюстон; семь премий «Эмми», два «Золотых глобуса», премия Гильдии сценаристов США за лучшую адаптацию крупной формы), получил несколько продолжений (также экранизированных) и сейчас, через сорок лет, переживает новый виток популярности: сарафанное радио на «БукТоке», покупка прав на экранизацию всей тетралогии компанией Teton Ridge… Когда-то Огастес Маккрей и Вудро Колл были легендарными техасскими рейнджерами, защищали поселенцев от индейских набегов, а границу – от мексиканских бандитов. Теперь Гас и Вудро живут в крошечном пыльном городке Одинокий Голубь у реки Рио-Гранде и держат «Скотоводческую компанию Шляпного ручья и прокатный эмпориум»; Вудро по привычке работает на износ, а Гас предпочитает сидеть на тенистой веранде с бутылкой виски. Однажды в городок возвращается их старый сослуживец Джейк Спун, игрок, бродяга и записной донжуан, и вдохновляет их на небывалую авантюру: перегнать большое стадо скота из южного Техаса на дальний север, в заповедную Монтану, и основать там первое в штате ранчо. Мотивировка у партнеров разная – Вудро истосковался по масштабным подвигам, а Гас хочет навестить свою давнюю любовь, осевшую в Небраске, – но они собирают команду и отправляются в одиссею длиной три тысячи миль, наперекор дикой природе, враждебным индейцам и отчаянным бандитам… «Моя любимая книга? Их так много, что выбрать очень трудно… Пожалуй, я бы назвал „Одинокого Голубя“ Ларри Макмёртри» (Стивен Кинг). Перевод публикуется в новой редакции, а также со специальным авторским послесловием.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35905-5

© Макмёртри Л. Д., 1985
© Азбука, 1985

Содержание

Часть I 10
1 10
2 19
3 26
4 31
5 37
6 43
7 52
8 60
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Ларри Джефф Макмёртри
Одинокий голубь

Larry McMurtry
LONESOME DOVE
Copyright © 1985, Larry McMurtry All rights reserved

Larry McMurtry
LONESOME DOVE
Copyright © 1985, Larry McMurtry
All rights reserved

Перевод с английского *Тамары Матц* под редакцией *Ирины Залогиной*

© Т. П. Матц (наследник), перевод, 1998, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ЛАРРИ МАКМЁРТРИ

Одинокий Голубь

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Моя любимая книга? Их так много, что выбрать очень трудно… Пожалуй, я бы назвал «Одинокого Голубя» Ларри Макмёртри.
Стивен Кинг

Конечно, книга – лучший подарок, а именно – «Одинокий Голубь». Это как сам дар чтения.
Джефф Дайер (The Guardian)

Выдающееся, беспримерное достижение. Одно слово – шедевр.
Джон Джейкс (автор саги «Север и Юг»)

Абсолютная достоверность. Здесь не персонажи, а живые люди, и все как один – колоссальные личности.
The New York Times Book Review

Изумительно… современная классика во всех смыслах слова.
The San Diego Union

В эту книгу падаешь, как камень в колодец. Она завораживает в самом буквальном смысле – а потом рыдаешь оттого, что она заканчивается.
The New Yorker

Редчайший случай – толстый роман, который может быть еще толще хоть вдвое, и читатель только скажет спасибо. Да, книга до такой степени хороша. Да, расставаться с героями настолько мучительно.
Chicago Tribune

Абсолютно непредсказуемо – и просто великолепно.
The Wall Street Journal

Удивительный эпос, насыщенный любовью и меланхолией… триумф человеческого духа в мире смертельных тягот.
Los Angeles Times Book Review

Если вам суждено прочесть в жизни лишь один вестерн, пусть это будет «Одинокий Голубь» – недостижимая для прочих вершина жанра.
USA Today

Лучшая книга, какую вы когда-либо прочтете.
Defector

Эпический роман-странствие: ковбои против негостеприимной природы, безжалостных бандитов, суровых индейцев. Вы буквально ощущаете пыль и зной, чуете запах лошадей и звериных шкур… Обязательное чтение.
The Sunday Times

Чудесный роман, искрящийся радостной энергией… триумф языка и воображения.
Newsweek

Искусная одиссея, высочайшее и самое масштабное достижение в жанре неовестерна.
Los Angeles Daily News

Головокружительное приключение.
The Atlantic

В свое время «Одинокий Голубь» получил Пулитцеровскую премию, был переведен на множество языков, разошелся по миру тиражом свыше четырех миллионов экземпляров, был успешно перенесен на телеэкран (в ролях Роберт Дюваль, Томми Ли Джонс, Анжелика Хьюстон), получил несколько продолжений (также экранизированных) – отчего же внезапный всплеск популярности сорок лет спустя? Дело явно не только в статусе современной классики: почти тысячестраничный том завирусился на «БукТоке», в любви к нему признаются все поголовно, от Стивена Кинга до тридцатилетней тренерши по пилатесу, компания *Teton Ridge* планирует заново экранизировать всю тетралогию. Вероятно, этот антивестерн идеально соответствует духу нашего времени: когда власти предержащие олицетворяют искаженно-карикатурный образец маскулинности, всем остро необходима мужская ролевая модель поразумнее – и персонажи Макмёртри отрабатывают этот запрос на все сто. Герои или негодяи, бывшие рейнджеры или опасные бандиты, плохие, хорошие и злые, щедрые и ущербные, энергичные и ленивые, безумно влюбленные и сексуально озабоченные, храбрые и нервозные – все они изображены честно и достоверно.
Esquire

Посвящается Морин Орт
и памяти
девяти парней Макмёртри (1878–1983),
которые
«Когда-то верхом
Проносились стрелой…»[1]

Вся Америка лежит в конце трудной и долгой дороги через пустыню, и наше прошлое не мертво, оно продолжает жить в нас. Наши предки, дикие с виду, несли свет культуры внутри себя. Мы живем в цивилизации, созданной ими, но где-то в глубине наших душ притаилась их дикость. Мы живем так, как они мечтали, и мечтаем жить как они.
Т. Л. Уиппл. Изучи землю

[1] Строчки из песни «Улицы Ларедо», также известной под названием «Умирающий ковбой», – знаменитой американской ковбойской баллады, входящей в число 100 лучших западных песен всех времен по версии *Western Writers of America*.

Часть I

1

Когда Огастес вышел на веранду, свиньи жрали гремучку – не очень большую. Скорее всего, она просто ползла в поисках тени да и наткнулась на свиней. Они тянули ее в разные стороны, так что гремучка свое уже отгремела. Чушка держала ее за голову, а хряк – за хвост.

– Проклятые свиньи, – выругался Огастес, пиная хряка. – Валите к ручью, если хотите жрать эту змею.

Он рассердился на них не из-за змеи, а из-за веранды. От свиней на веранде становилось еще жарче, а жарче было уж просто некуда. Он спустился на пыльный двор и пошел к кладовке над родником за бутылкой. Солнце стояло еще высоко, упершись в небо как мул, но у Огастеса глаз был наметан, и этим глазом он видел, что тени на западе обнадеживающе накренились.

Вечер долго добирался до Одинокого Голубя, но, когда наконец наставал, делалось легче. Бóльшую часть суток – и бóльшую часть года – солнце превращало городок в глуши чапараля в пыльную ловушку, рай для змей, рогатых жаб, земляных кукушек и скорпионов, но ад для свиней и уроженцев штата Теннесси. На тридцать или сорок миль не найти было ни единого дерева с приличной кроной. На самом деле местоположение ближайшей пристойной тени являлось предметом кипучих споров в конторах – если угодно так называть сарай без крыши и пару латаных фургонов – «Скотоводческой компании Шляпного ручья», половиной которой владел Огастес.

Его упрямый партнер, капитан В. Ф. Колл, настаивал, что великолепная тень имеется прямо рядом, в двенадцати милях, на Поляне Пиклса, но Огастес не соглашался. Поляна Пиклса – еще более забытая Богом дыра, чем Одинокий Голубь. Она и возникла-то потому, что один дурак с севера Джорджии по имени Уэсли Пиклс вместе с семьей десять дней плутал в мескитовых зарослях. А когда вышел на прогалину, то дальше уже не пошел. Так и появилась Поляна Пиклса, куда попадали в основном путники вроде основателя, то есть люди слишком слабовольные, чтобы осилить несколько сотен миль мескитовой чащи.

В кладовке над родником – в маленькой саманной постройке – стояла такая прохлада, что Огастес был бы готов туда и перебраться, не облюбуй ее уже черные вдовы, шершни и сколопендры. Открыв дверь, с ходу он никаких сколопендр не заметил, зато услышал нервное дребезжание гремучки, у которой явно было больше мозгов, чем у той, которую доедали свиньи. Огастес разглядел свернувшуюся в углу змею, но решил в нее не стрелять: тихим весенним вечером выстрел в Одиноком Голубе мог привести к осложнениям. Все в городке его услышат и решат, что либо команчи напали из прерий, либо мексиканцы со стороны реки. Если же кто-нибудь из постоянных посетителей «Сухого боба», единственного местного салуна, будет в подпитии или дурном расположении духа – а это вполне вероятно, – они наверняка вывалят наружу и пристрелят одного-двух мексиканцев просто так, на всякий случай.

В лучшем случае притопает с выгона Колл и разозлится, узнав, что это всего-навсего змея. Колл не испытывал ни малейшего пиетета к змеям, равно как и к тем, кто отступал перед ними. Гремучек он бил как комаров, разделываясь с ними одним ударом и любым орудием, попавшим под руку.

– Пусть тот, кто тормозит перед змеей, всю жизнь ходит пешком, – часто говорил он, и, как многие из его изречений, это было недоступно пониманию образованного человека.

Огастес держался менее агрессивной философии. Он считал, что надо дать живым существам время подумать. Поэтому он постоял на солнце, дожидаясь, чтобы гремучка успокоилась и уползла в дыру. Тогда он протянул руку и вытащил бутыль из грязи. Год выдался сухим

даже по меркам Одинокого Голубя, так что весны хватило только на небольшую грязную лужу. Свиньи по полдня проводили вокруг погреба, пытаясь добраться до грязи, но пока еще дыры в самане были недостаточно велики для них.

Мокрая холстина вокруг бутыли как магнит притягивала сколопендр, так что Огастес сначала убедился, что ни одна не забралась под тряпку, и лишь тогда откупорил горловину и сделал скромный глоток. Единственному белому брадобрею в Одиноком Голубе, собрату-теннессийцу по имени Диллард Браули, приходится сейчас брить бороды, стоя на одной ноге, потому что он недостаточно остерегался сколопендр. Две красноногие твари самой злобной разновидности ночью забрались ему в штаны, а Диллард торопился встать и поленился встряхнуть штаны как следует. Нога после этого не то чтобы вовсе отгнила, но попортилась порядочно, так что семейство обеспокоилось заражением крови и уговорило Дилларда и Колла отпилить ее.

В течение года или даже двух в Одиноком Голубе был настоящий доктор, но молодому человеку не хватило здравого смысла. Один вакеро[2] с дурным нравом, которого все давно хотели при случае вздернуть, по пьяни заснул ночью и позволил жуку-нарывнику заползти себе в ухо. Назад жук дороги не нашел, но двигался достаточно энергично, чтобы расстроить вакеро, и тот упросил молодого доктора извлечь жука. Молодой человек старался изо всех сил, лил в ухо теплую подсоленную воду, но вакеро осерчал и пристрелил его. Большая ошибка с его стороны: кто-то убил под ним лошадь, когда он пытался ускакать, и разъяренные горожане, большинство которых сидели в салуне, тут же его и повесили.

К сожалению, никто из врачей с той поры Одиноким Голубем не интересовался, так что Огастес и Колл, на своем веку повидавшие предостаточно ран, всегда призывались, когда возникала нужда. Нога Дилларда в этом смысле проблемы не составляла, вот только он вопил так громко, что повредил голосовые связки. Потом Диллард вполне приспособился передвигаться на одной ноге, но голосовые связки так полностью и не восстановились, что в конечном счете разрушило его бизнес. Диллард всегда слишком много болтал, а после несчастья со сколопендрами стал слишком много шептать. Клиенты, укутанные в горячие полотенца, не могли расслабиться, стараясь разобрать шепот Дилларда. А там нечего было слушать, еще когда обе ноги были целы, так что со временем многие из его клиентов переметнулись к парикмахеру-мексиканцу. Даже Колл ходил к мексиканцу, а Колл не доверял ни мексиканцам, ни брадобреям.

Огастес взял бутыль на веранду и поставил стул с плетеным сиденьем так, чтобы максимально использовать доступное ему подобие тени. Когда солнце опустится ниже, тень удлинится, постепенно захватывая веранду, двор, Шляпный ручей, Одинокого Голубя и, наконец, Рио-Гранде. Когда тень достигнет реки, Огастес уже будет в вечерней кондиции и готов для разговора с умным человеком, что обычно кончалось разговором с самим собой. Колл будет трудиться, пока окончательно не стемнеет, – если найдется работа, а если нет, он ее придумает. А Гороховый Глаз в душе был сержантом и не мог уйти раньше капитана, даже если бы Колл ему это и позволил.

Две свиньи молча проигнорировали приказ Огастеса идти к ручью и забрались под один из фургонов, доедая змею. Это было вполне разумно, ручей высох так же, как двор, а тащиться до него дальше. Пятьдесят недель в году Шляпный ручей был песчаной канавой, и тот факт, что эти две свиньи предпочитали туда не ходить, говорил об их сообразительности. Огастес часто хвалил свиней за их ум, когда спорил с Коллом, а спорили они последние несколько лет. Огастес считал, что свиньи умнее, чем все лошади и некоторые люди, что безумно раздражало Колла.

– Не может свинья, жрущая помои, быть умнее лошади, – говорил Колл, прежде чем перейти к грубостям.

---

[2] Vaquero *(исп.)* – пастух.

По обычаю Огастес выпил прилично, наблюдая, как солнце провожает день. Если он не раскачивал плетеный стул, то запрокидывал бутыль. Дни в Одиноком Голубе, сухие как мел, тянулись в мареве жары, но бурбон снимал часть сухости, и внутри Огастеса становилось приятно и туманно, так же прохладно и влажно, как по утрам в холмах Теннесси. Он редко напивался в стельку, но ему нравилось это ощущение туманности на закате. И он поддерживал такое настроение хорошими глотками виски, а небо на западе тем временем начинало багроветь. Виски не вредил его умственным способностям, но делал терпимее к тем неотесанным типам, с которыми приходилось иметь дело: Коллу, Гороховому Глазу, Дитцу, юному Ньюту и старику Боливару, повару.

Когда небо над западными равнинами приятно зарозовело, Огастес обошел дом сзади и пару раз пнул кухонную дверь.

– Давай-ка подогрей требухи и пожарь бобов, – сказал он.

Старик Боливар не удостоил его ответом, так что Огастес для вящей убедительности пнул дверь еще пару раз и вернулся на веранду. Хряк поджидал его там в углу, затаившись тихо, как кошка. Верно, надеялся, что Огастес обронит ремень, или перочинный нож, или шляпу, короче, что-нибудь съедобное.

– Пшел отсюда, свинота, – велел ему Огастес. – Найди другую змею, если такой голодный. – Тут ему пришло в голову, что кожаный ремень вряд ли жестче или неприятнее, чем жареный козел, которого готовит Боливар три или четыре раза в неделю.

Старик был мексиканский бандит со стажем, но теперь воинственный дух из него вышел, и Бол перешел через реку. С той поры жизнь он вел тихую, хотя козлятина появлялась-таки на столе. Компания не торговала козами, и вряд ли Боливар покупал коз на свои деньги. Скорее всего, он их крал, чтобы не потерять квалификации. Готовка в квалификацию не входила. Козлятина на вкус казалась обжаренной в смоле, но Огастес единственный в хозяйстве был настолько чувствителен, чтобы жаловаться.

– Бол, старик, где ты взял смолу, в которой зажарил этого козла? – частенько спрашивал он, но тихая попытка пошутить падала на мертвую почву; Боливар игнорировал все его выпады, прямые и косвенные.

Огастес уже было изготовился поговорить с чушкой и хряком, но увидел идущих с выгона Колла и Горохового Глаза. Последний, худой и высокий, никогда не наедался досыта и выглядел так нелепо, что, казалось, грохнется, даже когда стоял смирно. С виду совершенно беспомощный – но это как раз и был тот самый случай, когда внешность обманчива. На самом деле Огастес никогда не встречал настолько умелого человека. Он не был особо умел в стычках с индейцами, но дай ему что-нибудь, на чем можно сосредоточиться, что-нибудь по плотницкой или кузнечной части, колодец вырыть или упряжь починить – лучше его не найдешь. Да и то, будь он плохой работник, Колл давно бы его прогнал. Огастес спустился с веранды и встретил их у фургонов.

– Что-то рановато вы сегодня закруглились, девушки, – сказал он. – У нас Рождество или что?

Рубашки на обоих столько раз за день промокали насквозь от пота, что казались абсолютно черными. Огастес протянул Коллу бутыль, и тот, поставив ногу на передок фургона, отпил глоток, прополоскал горло, выплюнул совершенно нормальный виски прямо в пыль и передал кувшин Гороховому Глазу.

– Сам ты девушки, – сказал он. – Никакое не Рождество. – Затем он направился в дом, причем так внезапно, что Огастес даже растерялся.

Хорошими манерами Колл никогда не отличался, но, если день выдавался удачным, он обычно останавливался, чтобы поболтать минутку.

Интересная вещь с Вудро Коллом заключалась в том, как он держался. Не слишком крупный – в сущности, едва ли среднего роста, – но стоило подойти и заглянуть ему в глаза, как

это впечатление исчезало. Огастес был на четыре дюйма выше, а Гороховый Глаз еще на три, но никоим образом нельзя было убедить Глаза, что капитан Колл коротышка. Колл сбил его с толку, и не его одного. Если кто-нибудь хотел выстоять против Колла, ему надо было постоянно напоминать себе, что Колл не такой большой, каким кажется. Огастес единственный в южном Техасе мог держать его в верном масштабе и при всяком случае пользовался этим преимуществом. Нередко он начинал день с того, что, передавая Коллу горячие булочки, безразлично говорил:

– Знаешь, Колл, а ведь ты вовсе не гигант.

Простодушный Глаз такого поведения понять не мог. Иногда Огастес забавлялся, наблюдая, как Колл вовсю командует мужиком почти вдвое больше себя так, что Гороховый Глаз путал человека внешнего и внутреннего. Конечно, сам Колл по простоте своей навряд ли сознавал, что он делает. Просто делал, и все. Самым смешным в этом фокусе было то, что Колл никакого фокуса не замечал. Этот человек и пяти минут не тратил на раздумья о самом себе. Это бы значило, что он отнял пять минут от работы, которую в тот день запланировал сделать.

– Хорошо, что я не боюсь лениться, – сказал как-то Огастес.

– Это ты так думаешь. Я – нет, – сказал Колл.

– Черт, Колл, если бы я вкалывал как ты, здесь бы вообще некому было думать. Ты в мыле пятнадцать часов в сутки. Человек, который вечно в мыле, ни черта не соображает.

– Я вот посмотрю, как ты сообразишь вернуть крышу на сарай, – буркнул Колл.

Странный маленький смерч со стороны Мексики одним махом сдул крышу с сарая еще три года назад. К счастью, дождь в Одиноком Голубе шел раз или два в году, так что эта потеря не слишком вредила скоту, когда таковой имелся. Страдал по большей части Колл, который никак не мог собрать приличных досок для новой крыши. К сожалению, тот самый редкий ливень случился через неделю после того, как старую крышу скинуло посреди Шляпного ручья. Это был настоящий потоп и древесный сплав заодно, унесший крышу почти целиком в Рио-Гранде.

– Если так много думаешь, почему не подумал про дождь? – спросил Колл.

С тех давних пор Колл попрекал Огастеса ливнем. Дай только Коллу повод понудеть, уж он сбережет его пуще денег.

Гороховый Глаз выпивкой не плевался. Шея у него была тощая, и, когда он пил, адамово яблоко напоминало Огастесу змею с лягушкой внутри.

– Колл бесится так, что пни готов пинать, – сказал Огастес, когда Глаз оторвался от бутыли перевести дыхание.

– Потому что она от него кусок отожрала, – сказал Глаз. – Не знаю, зачем она капитану.

– Кобылы – его единственная слабость, – сказал Огастес. – Как вышло, что его укусила лошадь? Я думал, вы роете новый колодец.

– Наткнулись на камень, – объяснил Глаз. – Места размахнуться было на одного, так что Ньют махал, а я подковывал лошадей. Капитан решил прокатиться. Он, верно, подумал, что заставил ее попотеть. Повернулся к ней спиной, она его и хватанула.

Кобыла, о которой шла речь, была известна в городке как Адская Сука. Колл купил ее в Мексике у каких-то кабальеро[3], которые уверяли, что ради нее убили индейца-команча. Огастес в эту часть истории не верил: вряд ли команч в одиночку стал бы разъезжать в этой части страны, а если бы их было двое, вряд ли кабальеро дожили бы до продажи какой-либо лошади. Кобыла, серая в яблоках, с белой мордой и белым пятном на лбу, была слишком высока для настоящих индейских пони и слишком коротконога для чистокровки. Нрав ее говорил о том, что она, вполне вероятно, провела какое-то время у индейцев, но у каких индейцев и как долго, можно было только гадать. Ее хотели купить все, кто видел, такая она была статная, но Колл

[3] Caballero *(исп.)* – всадник.

даже не слушал предложений, хотя и Гороховый Глаз, и Ньют жаждали от нее избавиться. Им каждый день приходилось иметь с ней дело, и они страдали. Однажды она так лягнула Ньюта, что он перелетел через всю кузницу и едва не угодил в горн. Гороховый Глаз боялся ее не меньше, чем команчей, а это что-нибудь да значило.

– А чего Ньют не идет? – спросил Огастес.

– Может, в колодце уснул, – предположил Гороховый Глаз.

Но тут Огастес увидел идущего с поля парня, еле живого от усталости. Гороховый Глаз был уже полупьяный, когда Ньют добрел до фургонов.

– Видит бог, Ньют, я рад, что ты уже здесь, а осень еще не наступила, – сказал Огастес. – Нам бы тебя летом здорово не хватало.

– Я в кобылу камнями кидался, – усмехнулся Ньют. – Видал, какой ломоть она отожрала от Колла?

Ньют задрал одну ногу и аккуратно счистил грязь с подошвы сапога, а Гороховый Глаз тем временем продолжал выполаскивать пыль из горла. Огастес всегда восхищался способностью Ньюта стоять на одной ноге, счищая грязь с другой.

– Ты только глянь, Глаз, – предложил он. – Тебе так слабó.

Гороховый Глаз так привык видеть Ньюта на одной ноге, счищающего грязь с другой, что не понял, с чего это Гас решил, что он так не может. Несколько добрых глотков бухла порой замедляли его мозги до скорости улитки. Чаще всего так бывало на закате после того, как он целый день убивался, копая колодец или подковывая лошадей. В такие минуты Глаз вдвойне радовался, что работает с капитаном, а не с Гасом. С капитаном чем меньше слов, тем лучше у него настрой, а с Гасом наоборот. Тот выпаливал сразу несколько вопросов и мнений, и они разбегались как неклейменное стадо, так что трудно выбрать что-то одно и медленно, с толком, обдумать. Глаз только так и умел размышлять. В подобных случаях он мог разве что притворяться, будто вопрос попал ему в глухое ухо, левое, которое почти не слышало после большой стычки с индейцами племени кичай, или, как ее называли, стычки у Каменного дома. Там была чистая сумятица, потому что у индейцев хватило ума поджечь траву в прерии, так что никто ничего не видел за несколько шагов. В дыму они то и дело натыкались на индейцев и стреляли в упор. Рейнджер рядом с Глазом заметил индейца рядом и пальнул слишком близко к уху напарника.

В тот день индейцы увели их лошадей, что привело капитана Колла в такую ярость, какой Глаз не видывал. И пришлось им тащиться вдоль реки Бразос пёхом, а это две сотни миль, и все время тревожиться – а вдруг команчи прознают, что они идут пешком. Гороховый Глаз понял, что оглох на одно ухо, только под конец пути.

К счастью, пока он мучился с вопросом, чтó ему слабó, старик Боливар зазвонил в колокол, созывая к ужину, и положил конец дискуссии. Старый колокол давно потерял язык, но Боливар отыскал железный лом, который кто-то умудрился сломать, и лупил им с такой силой, что, будь у колокола язык, его бы все равно не услышали.

Солнце наконец зашло, и у реки было так тихо, что слышалось, как лошади машут хвостами в загонах, – ну, до той поры, пока Боливар не ударил в колокол. Хотя он, скорее всего, знал, что они стоят около фургонов, куда вполне можно докричаться, Боливар продолжал долбить в колокол добрые пять минут. На то у него были свои причины, и даже Колл ничего не мог тут поделать. Звук разрывал закатную тишину, и это так бесило Огастеса, что его подмывало пристрелить старика, просто чтобы проучить его.

– Полагаю, он призывает бандитов, – сказал Огастес, когда звон наконец стих.

Они направились к дому, свиньи следом за ними, причем хряк дожевывал пойманную где-то ящерицу. Свиньям Ньют нравился даже больше, чем Огастес, потому что, когда Ньюту нечем было заняться, он скармливал им кусочки сыромяти и чесал за ушами.

– Если появятся бандиты, может, капитан разрешит мне уже носить ствол, – мечтательно сказал Ньют. Казалось, он никогда не дорастет до того, чтоб носить оружие, хотя был уже почти юноша.

– Если тебе дать ствол, кто-нибудь по ошибке может принять тебя за стрелка и укокошить, – сказал Огастес. – Дело того не стоит. Если Бол когда-нибудь накликает бандитов, я одолжу тебе свою «генри»[4].

– Старик и готовить едва умеет, – высказался Гороховый Глаз. – Откуда он возьмет бандитов?

– Ну как же, вспомни ту грязную шайку, с которой он таскался? Колл только потому и взял его поваром. В нашем бизнесе неплохо знать парочку-другую конокрадов, при условии, что они мексиканцы. Полагаю, Бол просто выжидает время. Как только завоюет наше доверие, его шайка ночью проберется сюда и всех нас прикончит.

Сам он ничему такому не верил, просто любил иногда подразнить мальчишку, да и Глаза тоже, хотя того чрезвычайно трудно было раздразнить, он почти не умел бояться. У него хватало здравого смысла опасаться команчей, а для этого много ума не требовалось. Мексиканские бандиты его не впечатляли.

У Ньюта было побольше воображения. Поэтому он повернулся и посмотрел через реку, где быстро сгущалась темнота. Время от времени капитан, Огастес, Глаз и Дитц пристегивали ружья, садились верхом и скакали в эту непроглядную тьму, в Мексику, и возвращались на заре с тридцатью или сорока лошадьми или с сотней голов тощего скота. В приграничном районе это был способ развития животноводства – мексиканские фермеры совершали набеги на север, а техасцы – на юг. Часть этого тощего скота всю жизнь проводила в перегонах туда-сюда через Рио-Гранде. Вожделенной мечтой Ньюта было скорее вырасти и участвовать в этих набегах. Многие ночи он провел на своей жаркой верхней койке, слушая храп и бормотание Боливара внизу, уставясь к окно в сторону Мексики, воображая всю дичь, что там происходит. Иногда он даже слышал выстрелы, но редко больше одного или двух, доносившиеся снизу или сверху по реке, и это подстегивало его воображение.

– Поедешь, когда вырастешь, – сказал капитан, и все на том. Спорить не приходилось, особенно если ты подсобный работник. Спорить с капитаном было привилегией мистера Гаса.

Едва они вошли в дом, как мистер Гас не замедлил ею воспользоваться. Капитан снял рубашку, чтобы Боливар обработал рану от укуса. Кобыла цапнула его чуть повыше пояса. Крови натекло порядком, так что одна штанина совсем затвердела. Бол уже собрался было смазать рану своей обычной смесью из дегтя и скипидара, но мистер Гас попросил его обождать, пока он сам посмотрит.

– Бог ты мой, Вудро, – сказал Огастес, – столько лет ты возишься с лошадьми, пора бы уже знать, что не стоит поворачиваться задом к кайовской кобыле.

Колл о чем-то думал и с минуту молчал. А думал он о том, что луна сейчас стоит в четверти – они такую называли луной конокрадов. При полной луне какие-нибудь мексиканцы могут взять тебя на прицел на этих плоских равнинах. Те, с кем он ездил годами, были мертвы и похоронены – или просто мертвы, – потому что пересекали реку при полной луне. Совсем без луны ненамного лучше: слишком трудно отыскать скот и гнать его. Вот четвертинка самое то для перехода через границу. В мелколесье к северу уже полно скотоводов, собирающих весенние стада и пастухов, чтобы гнать их все вместе. Не пройдет и недели, и они появятся в Одиноком Голубе. Пора подсобрать скот.

– А кто сказал, что тот индеец был кайова? – спросил он, глядя на Огастеса.

[4] Винтовка конструкции Бенджамина Тайлера Генри для ближнего боя, с рычажным затвором и трубчатым подствольным магазином на 15 пистолетных патронов, выпускалась с 1860 г.

– Я пришел к такому выводу, – ответил Огастес. – И ты бы мог сделать то же самое, если бы на секунду перестал работать и подумал.

– Я могу работать и думать, – сказал Колл. – Ты единственный из всех, кого я знаю, кому нужна тень, чтоб мозги работали.

Огастес замечание проигнорировал.

– Я решил, что это кобыла индейца-кайова, который хотел украсть женщину, – сказал он. – Твои команчи не питают страсти к сеньоритам. Белых женщин красть легче, и едят они меньше. Кайова другие. Эти предпочитают сеньорит.

– Можем уже поесть – или будем ждать, когда вы кончите спорить? – спросил Гороховый Глаз.

– Если ждать, подохнем с голоду, – сказал Боливар, плюхая на грубо сколоченный стол горшок с варевом из потрохов и бобов.

Никто не удивился, когда Огастес первым наполнил свою тарелку.

– Хотел бы я знать, где ты умудряешься изыскивать эту мексиканскую землянику? – спросил он, имея в виду бобы.

Боливар исхитрялся находить их триста шестьдесят дней в году, причем так щедро перемешивал с красным перцем, что по остроте ложка бобов была как ложка красных муравьев. Ньют пришел к выводу, что в двух вещах можно всегда быть уверенным, работая на «Скотоводческую компанию Шляпного ручья». Первое – это что капитан Колл придумает больше работы, чем он, Гороховый Глаз и Дитц в состоянии переделать, и что во время любой трапезы всенепременно подадут бобы. Единственным человеком во всем заведении, который не пердел постоянно, был сам старик Боливар – он к бобам не прикасался, а существовал преимущественно на сухом печенье и кофе с цикорием, или, точнее, на сиропе из тростникового сахара с парой лужиц кофе поверх. Сахар стоил денег, и капитан выходил из себя, но ничто не могло заставить старика изменить своей привычке. Огастес утверждал, будто дерьмо старика такое сладкое, что голубой хряк всегда увязывался за ним, когда тот ходил справлять нужду, и это вполне могло быть правдой. Сам Ньют старался держаться от хряка подальше, но его дерьмо состояло в основном из бобов.

К тому времени когда Колл надел рубашку и сел за стол, Огастес уже накладывал себе вторую порцию. Глаз и Ньют нервно поглядывали на горшок, тоже надеясь на добавку, но, будучи людьми слишком вежливыми, ждали, когда все возьмут себе по порции. Аппетит Огастеса походил на стихийное бедствие. Колл изумленно наблюдал его уже тридцать лет и до сих пор удивлялся, сколько может съесть Огастес. Он работал только в случае необходимости, но каждый вечер за столом мог переесть троих мужиков, горбатившихся день напролет.

В их бытность рейнджерами, когда спешить было некуда, эти парни часто садились и рассказывали истории про обжорство Огастеса. Он ел не просто много, он ел стремительно. Повару, который решил бы задержать его за жратвой дольше десяти минут, пришлось бы приготовить не меньше половины быка.

Колл пододвинул стул и уселся. Огастес в этот момент тащил к себе половник с бобами, и Колл подставил под него свою тарелку. Ньют решил, что это вышло ловко, и громко расхохотался.

– Спасибочки, – сказал Колл. – Когда устанешь бездельничать, можешь пойти в официанты.

– А что, я однажды работал официантом, – сказал Огастес, притворившись, что он как раз и хотел положить Коллу бобов. – На речном пароходе. Мне тогда было не больше лет, чем Ньюту сейчас. А у кока даже была белая шляпа.

– Зачем? – спросил Гороховый Глаз.

– Потому что настоящие повара должны носить такие шляпы, – объяснил Огастес, взглянув на Боливара, который как раз вмешивал каплю кофе в сахарную жижу. – Вообще-то, не шляпа, скорее колпак, сделан вроде как из простыни.

– Чтоб я сдох такое носить, – сказал Колл.

– Да нет такого придурка, который нанял бы тебя в повара, Вудро, – сказал Огастес. – Такая шапка надевается для того, чтобы грязные и жирные волосы повара не падали в еду. Не удивлюсь, что в это вот варево попали несколько волос Боливара.

Ньют взглянул на Боливара, сидящего у плиты в своем грязном серапе. Волосы Боливара выглядели так, будто на них вылили банку топленого жира. Раз в несколько месяцев Боливар менял одежду и отправлялся навестить жену, но его старания улучшить свою внешность ограничивались заботой об усах, которые он постоянно чем-то умащивал для стойкости.

– А чего ты ушел с парохода? – спросил Гороховый Глаз.

– Я был слишком молод и хорош собой, – ответил Огастес. – Шлюхи не давали мне проходу.

Колл огорчился из-за этих слов. Он вообще не любил говорить о шлюхах, и уж не в присутствии мальчика. У Огастеса стыда не было вовсе. С давних времен они из-за этого препирались.

– Жаль, что они тебя тогда не утопили, – раздраженно сказал Колл; застольные беседы редко заканчивались добром.

Ньют не отрывал глаз от тарелки, как и всегда, когда Колл злился.

– Утопить меня? – удивился Огастес. – Да если бы кто попытался, девки бы разорвали его в клочья.

Он видел, что Колл в бешенстве, но не собирался с этим считаться. Они сидели за общим столом, и, если Коллу не нравится разговор, он может пойти спать.

Колл знал, что спорить бесполезно. Огастес того и хотел: поспорить. По сути, ему было наплевать, о чем спор и на чьей он стороне. Он просто обожал спорить, и все тут. А Колл ненавидел. Из собственного долгого опыта он знал, что переспорить Огастеса невозможно, даже когда все было яснее ясного. Даже в давние суровые времена, когда вокруг кишели индейцы, Огастес никогда не упускал случая поспорить. Буквально недавно был случай, когда на них и еще шестерых рейнджеров внезапно напали команчи на развилке Ред-Ривер, и они копали на берегу ямы, которые вполне могли стать их могилами, если бы не повезло улизнуть облачной ночью. Огастес и тогда не унимался и спорил с рейнджером, которого они называли Урод Билл. Спор шел про енотовых гончих, и Огастес не мог успокоиться всю ночь, хотя остальные рейнджеры так перетрусили, что не могли даже помочиться. Конечно, мальчишка тут же запал на истории Огастеса о речном пароходе и шлюхах. Парень нигде не был, так что для него все это была романтика.

– От твоей трепотни про женщин еда вкуснее не становится, – сказал наконец Колл.

– Колл, хочешь чего повкуснее, пристрели сначала Боливара, – сказал Огастес, которому напомнили о его собственном недовольстве поваром. – Бол, хватит уже колотить ломом по колоколу, – сказал он. – В полдень еще куда ни шло, но только не вечером. Любой зрячий может различить закат. Ты мне много хороших вечеров испортил своей долбежкой.

Боливар помешал свой сахарный кофе и промолчал. Он бил по колоколу потому, что ему нравился звук, а вовсе не потому, что мечтал всех собрать за стол. Пусть едят, когда хотят, а он будет колотить в колокол, когда он захочет. Ему нравилось быть поваром; куда спокойнее, чем быть бандитом, – но это не значит, что ему можно приказывать. Его независимость была неколебима.

– Генерал Ли освободил рабов, – хмуро сказал он.

Ньют рассмеялся. Бол до конца так и не разобрался в войне, но был искренне огорчен, когда она прекратилась. По правде говоря, продолжайся еще война, он не ушел бы из бандитов.

Для большинства его земляков это была легкая и доходная профессия, когда уехали большинство техасцев. Но те, кто вернулся с войны, и сами были в основном бандиты, и оружие у них было лучше. Так что стало слишком много желающих заняться этим делом. Боливар понял, что пора менять профессию, но время от времени испытывал желание немного пострелять.

– Не генерал Ли, а Эйб Линкольн освободил рабов, – поправил его Огастес.

Боливар пожал плечами.

– Какая разница, – сказал он.

– Большая разница, – вмешался Колл. – Один – янки, а другой – нет.

Гороховый Глаз на минутку заинтересовался. Бобы с потрохами оживили его. Его очень волновала проблема отпущения на волю, и, работая, он часто над ней размышлял. Наверное, ему просто повезло, что он не родился рабом, но, если бы ему так не пофартило, Линкольн освободил бы его. Потому этот человек вызывал у него определенное восхищение.

– Он освободил американцев, – сказал он Боливару.

Огастес фыркнул.

– Ты совсем запутался, Глаз, – сказал он. – Кого Линкольн освободил, так это шайку африканцев, которые такие же американцы, как Колл.

Колл отодвинул стул. Он не собирался сидеть тут и спорить про рабство после долгого дня, да и после короткого не стал бы.

– Я такой же американец, как и все, – сказал он, беря шляпу и винтовку.

– Ты родился в Шотландии, – напомнил ему Огастес. – Я знаю, тебя сюда привезли, когда ты еще титьку сосал, но все равно ты был и остаешься шотландцем.

Колл не удостоил его ответом. Ньют поднял голову и увидел, что он стоит в дверях, шляпа уже на голове, винтовка Генри – на сгибе руки. Пара крупных мотыльков, привлеченных светом керосиновой лампы на столе, кружится около его головы. Не сказав больше ни слова, капитан вышел.

2

Колл примерно час бродил вдоль реки, хоть и знал, что нужды в этом нет. Просто старая привычка, оставшаяся от диких времен: проверить, глянуть, нет ли знаков чужого присутствия, отточить инстинкты, если уж на то пошло. В бытность капитаном рейнджеров он привык бродить в одиночестве, каждую ночь, подальше от лагеря, ото всех разговоров и препирательств. Он рано понял, что его инстинктам нужно уединение. В спокойной стране, конечно, хорошо сидеть у костра, позевывая, и чесать языки, но там, где неспокойно, это может дорого обойтись. Он любил уходить из лагеря, иногда за милю, и слушать звуки прерии, не людей.

Конечно, в таком мирном месте, как Одинокий Голубь, настоящий дозор – излишество, но Колл все равно любил уходить в ночь, нюхать ветер и слушать, о чем говорит прерия. Голос ее был тих, звук одного человеческого голоса мог заглушить его, особенно такого громкого, как у Огастеса Маккрея. Огастес во всем Техасе славился громогласностью. В тихую ночь его было слышно за милю, даже если он шептал. Колл всегда старался выбраться за пределы его досягаемости, чтобы отдохнуть и послушать другие звуки. По меньшей мере, он мог определиться насчет погоды, хотя, по правде говоря, с погодой вокруг Одинокого Голубя все было предельно ясно. Подними голову к звездам, и голова закружится, такое чистое небо. Облака случались реже, чем наличные, а уж налички почти не бывало.

Да и опасностей особых не было. Разве что койот проберется и стащит цыпленка – вот и все неприятности, что могли случиться. Сам факт, что они с Огастесом живут здесь, отпугивал местных конокрадов.

Колл свернул к западу от городка, к переправе, которую облюбовали команчи, еще когда у них хватало свободного времени для набегов на Мексику. Переправа была возле соляных залежей. У Колла выработалась привычка ходить туда почти каждый вечер и сидеть там на откосе, просто наблюдая. Если луна стояла достаточно высоко, чтобы отбрасывать тень, он прятался в зарослях чапараля. Если команчи надумают вернуться, резонно предположить, что они направятся к своей старой переправе, но Колл хорошо знал, что команчи не придут. Их почти и не осталось, буквально горстка воинов, которых едва хватало, чтобы запугивать народ в устье Бразоса, – куда уж там Рио-Гранде.

Вся эта заваруха с команчами, долгая и грязная, заняла почти всю взрослую жизнь Колла, но теперь все было кончено. Вообще, он уже так давно не видел по-настоящему опасного индейца, что, если таковой вдруг подберется к переправе, Колл так удивится, что, наверно, забудет выстрелить, – и вот от такой беспечности он и старался себя оградить. Может, их и выбили, но, пока есть хоть один команч на лошади и с ружьем, было бы глупо относиться к ним несерьезно.

Он старался сохранять бдительность, но, по правде говоря, за полгода наблюдений за рекой вспугнул лишь одного бандита, который вполне мог быть и просто пастухом, приведшим коня на водопой. Достаточно было щелкнуть затвором винтовки. В тишине ночи щелчок сработал как выстрел. Бандит или пастух убрался в Мексику, и с той поры ничто не нарушало покоя на переправе, кроме нескольких бродячих коз, бредущих к соляным развалам.

Коллу, хотя он каждый вечер продолжал ходить к реке, давно стало ясно, что в охране Одинокий Голубь не нуждается. Все эти разговоры Огастеса насчет Боливара и его бандитов – только дурацкие шутки. Он приходил к реке, потому что хотел часок побыть один, а не торчать постоянно среди других. Ему казалось, что он с утра до ночи находится в напряжении, безо всяких на то причин. Как капитан рейнджеров, он, безусловно, вынужден был принимать решения, и решения эти значили жизнь или смерть для его подчиненных. То было естественное напряжение, связанное с работой. Люди зависели от него, да и продолжают зависеть, они хотят знать, что он всегда на месте и вытащит их из любой передряги. Огастес тоже на это спо-

собен, несмотря на весь свой треп, он тоже сможет вытащить их из любой передряги не хуже него, Колла, но Огастес не поднимется с места без крайней нужды. Волноваться он предоставлял Коллу, так что люди ждали приказаний именно от него, а с Огастесом напивались. Колл никак не мог смириться с тем, что Огастес действовал как рейнджер только в особых случаях. Эта его лень была настолько упорной, что Колл, да и остальные иногда, почти надеялись, что произойдет что-то такое, отчего Гас перестанет болтать и спорить и отнесется к ситуации хоть сколько-нибудь уважительно.

Но отчего-то, несмотря на явное отсутствие опасности, Колл никогда не чувствовал такого сильного напряжения, как в последнее время. Постоянно кому-нибудь что-нибудь было нужно. Работа физическая не имела значения. Он был не из тех, кто может целый день сидеть на веранде, играя в карты или сплетничая. Он тянулся к работе; он просто устал постоянно быть примером. Он все еще был капитаном, а остальным, казалось, никто не сообщил, что война давно кончилась и нет никаких войск. Он так долго отвечал за всех, что им казалось само собой разумеющимся: со всеми мыслями, вопросами, нуждами и сомнениями следует обращаться к нему, каким бы простым ни было дело. Люди не желали переставать считать его капитаном, да и сам он не мог перестать им быть. Это стало его естественной потребностью, он слишком давно так делал, но он не мог не понимать, что это уже ни к чему. Они даже не были блюстителями порядка, а всего лишь содержали извозчичий двор да торговали лошадьми, если находился покупатель. Работу, которой они занимались, он мог делать во сне, и, хотя за последние десять лет его обязанности сильно сократились, жизнь легче не стала. Все как-то скукожилось и поскучнело, вот и все.

Колл не был мечтателем, это больше по части Гаса, но он и не мечтал, сидя на своем пригорке у реки, один, ночью. Лишь вспоминал былые годы, когда человек, шедший по тропе команчей, всегда должен был держать винтовку на взводе. Но его раздражало, что он постоянно занят воспоминаниями, ему претило перебирать все в памяти, как старик. Иногда он заставлял себя встать и пройти пару-тройку миль вдоль реки и обратно, чтобы выбросить все эти воспоминания из головы. И когда он чувствовал, что снова готов, что, если нужно, сможет опять стать капитаном, он возвращался к Одинокому Голубю.

После ужина и ухода Колла Огастес, Гороховый Глаз, Ньют, Боливар и свиньи переместились на веранду. Свиньи рылись во дворе, иногда ловили ящерицу или кузнечика, змею или неосторожную саранчу. Боливар вытащил точило и двадцать минут или больше точил нож с красивой костяной рукояткой, который он носил на ремне. Рукоятка была выточена из рога мулового оленя, и тонкое лезвие сверкало в лунном свете, когда Боливар осторожно водил им взад-вперед по точилу, время от времени поплевывая на камень, чтобы смочить поверхность.

Хотя Ньюту Боливар нравился и он считал его другом, привычка повара каждый вечер точить нож нервировала юношу. Постоянные шутки мистера Гаса про бандитов делали свое дело, хотя Ньют и знал, что Огастес шутит. Он не понимал, зачем Боливар точит нож каждый божий вечер, хотя никогда им не пользуется. Когда он задал этот вопрос Боливару, тот улыбнулся и тронул лезвие подушечкой большого пальца.

– А это как жена, – сказал он. – Лучше обхаживать каждую ночь.

Ньют не понял, о чем речь, а Огастес заржал.

– Если так, то твоя жена, верно, уже основательно заржавела, Бол, – сказал он. – Ты ее точишь не чаще пары раз в году.

– Она старая, – отозвался Боливар.

– Чем старше скрипка, тем слаще музыка, – сказал Огастес. – Мы, старички, любим поточить не меньше молодых, а может, и больше. Ты привози ее, Бол, пусть живет здесь. Только подумай, сколько сэкономишь на точилах.

– Этот ножичек войдет человеку в горло, как в масло, – сказал Гороховый Глаз.

Он умел ценить такие вещи, сам владел прекрасным охотничьим ножом Боуи. У этого ножа было лезвие длиной в четырнадцать дюймов, и Гороховый Глаз приобрел его у солдата, который вроде бы купил нож у самого Боуи[5]. Гороховый Глаз не точил свой нож каждый вечер, как Боливар, но периодически вытаскивал его из больших ножен и проверял, не затупился ли он. Это был его праздничный нож; в обычной работе, чтобы резать скот или кожу, он им не пользовался. Боливар тоже не использовал нож для каждодневной работы, но иногда, если было настроение, вытаскивал его и засаживал с размаху в стенку фургона, или отрезал несколько тонких завитков невыделанной кожи, которую Ньют потом скармливал свиньям. Огастес не видел большой пользы от ножей, особенно каких-то необыкновенных. Он носил в кармане старый складной нож, который употреблял в основном для стрижки ногтей. В прежние времена, когда они все питались в основном дичью, он в силу необходимости таскал с собой нож для свежевания добычи, но никогда не считал нож оружием. С его точки зрения, изобретение Кольта сделало все остальное оружие меньшего радиуса действия анахронизмом. И его раздражало, что буквально каждый вечер своей жизни он слушает, как Боливар точит нож.

– Если уж я должен что-то слушать, – сказал он, – то предпочел бы слушать, как ты правишь свою жену.

– Я ее не привезу, – сказал Бол. – Я тебя знаю. Ты попытаешься ее развратить.

Огастес засмеялся.

– Да нет, меня не слишком привлекает совращение старух, – сказал он. – А у тебя дочек нет?

– Всего девять, – сказал Боливар.

Внезапно, даже не вставая, резким движением руки он швырнул нож в стенку ближайшего фургона, где тот и застрял, подрагивая. До фургона было всего футов двадцать, так что хвалиться вроде нечем, но он хотел таким образом выразить свое отношение к дочерям. Шестерых он уже выдал замуж, но три еще жили дома, и он души в них не чаял.

– Надеюсь, они похожи на мать, – сказал Огастес. – Если они пошли в тебя, то не миновать тебе кучи старых дев на шее. – Его кольт висел на спинке стула, и он потянулся, достал его из кобуры и несколько раз лениво покрутил патронник, прислушиваясь к приятным щелчкам.

Боливар пожалел, что швырнул нож, ибо это означало, что придется подниматься и идти через двор, чтобы забрать его. А у него как раз ломило бедро и еще несколько суставов – результат того, что пять лет назад он позволил упавшей лошади подмять его.

– Я-то симпатичнее, чем канюк вроде тебя, – сказал он, поднимаясь.

Ньют понимал, что Боливар и мистер Гас оскорбляют друг друга просто от скуки, но все равно нервничал каждый раз, когда они это делали, особенно вечерами, когда оба уже несколько часов подряд надирались. Ночь выдалась мирной и такой тихой, что он слышал звуки пианино в салуне «Сухой боб». Пианино было гордостью салуна, да и всего городка в целом. Его даже одалживали по воскресеньям в церковь. К счастью, церковь была рядом с салуном, а у пианино имелись колесики. Кто-то из священников построил настил к заднему входу в церковь и выложил дорожку к дверям салуна, так что оставалось только толкать пианино в сторону церкви. Но такое положение вещей ставило под угрозу трезвость священников, потому что некоторые из них считали своей обязанностью проводить вечера в салуне, охраняя пианино.

Однажды в субботу они так наохранялись, что по дороге в церковь в воскресенье утром съехали с настила и сломали пианино две ножки. Поскольку в церкви не нашлось достаточного количества трезвых мужчин, чтобы внести его внутрь, миссис Пинк Хиггинс, которая на нем играла, пришлось сидеть посреди улицы и что есть сил выбивать там гимны из клавиатуры, в то время как остальная часть верующих – десять дам и священник – стояли внутри и пели.

---

[5] *Джеймс Боуи* (1796–1836) – командир ополчения в Техасской войне за независимость от Мексики, изобретатель названного его именем тесака с лезвием характерной формы.

Ситуация стала еще более неловкой, после того как Лорена Вуд вышла из задней двери салуна практически в неглиже и слушала гимны.

Ньют был по уши влюблен в Лорену Вуд, хотя до сих пор ему не довелось даже поговорить с ней. Он с горечью сознавал, что, если даже такая возможность неожиданно предоставится, он не будет знать, что сказать. В редкие моменты, когда с тем или иным поручением проходил мимо салуна, он жутко боялся какой-нибудь случайности, из-за которой ему придется с ней заговорить. Конечно, он мечтал поговорить с Лореной, это было вершиной его жизненных планов. Но он не хотел, чтобы это случилось прежде, чем он придумает, что лучше всего сказать, а он до сих пор не придумал, хотя Лорена провела в городке уже несколько месяцев и он влюбился в нее с первого взгляда.

Лорена занимала мысли Ньюта часов восемь в день, вне зависимости от того, чем в тот момент были заняты его руки. Обычно довольно общительный, во всяком случае с Гороховым Глазом и Дитцем, Ньют никогда даже не произносил вслух ее имени. Он знал, что, стоит ему проговориться, его жутко задразнят, и, хотя он, вообще-то, не возражал против подколок, его чувство к Лорене было слишком глубоким, чтобы допускать фривольности. Люди, составлявшие костяк в «Компании Шляпного ручья», не слишком уважали чувства, особенно нежные.

Существовало также опасение, что кто-нибудь мог оскорбить ее честь. Не капитан, который терпеть не мог не только разговоры, но даже упоминания о женщинах. Но сама мысль об осложнениях, которые могло вызвать оскорбление Лорены, познакомила Ньюта с душевными страданиями, проистекающими от любви, задолго до того, как ему пришлось испробовать что-либо из приносимых ею удовольствий, за исключением бесконечного удовольствия предвкушения.

Конечно, Ньют знал, что Лорена шлюха. Неприятно, но его чувства из-за этого не уменьшались ни на йоту. Ее бросил в Одиноком Голубе карточный игрок, решивший, что она приносит ему несчастье. Она жила в комнатах над салуном, и поговаривали, что принимает там самых разнообразных посетителей, но Ньют был не из тех, кто западает на такие подробности. Он не вполне понимал, что делают шлюхи, но решил, что Лорена пришла в эту профессию по чистой случайности, так же, как и он к своей. Совершенно случайно он стал ковбоем, и, вне сомнения, точно так же случайно она стала шлюхой. Больше всего в ней Ньюту нравился характер, который он читал по ее лицу. То было самое красивое лицо, когда-либо появлявшееся в Одиноком Голубе, и он не сомневался, что и характер у нее прекрасный. Он планировал высказаться именно на эту тему, когда наконец заговорит с ней. На веранде после ужина он по большей части размышлял, какие именно слова следует сказать, чтобы выразить такие чувства.

Вот почему он немного разозлился, когда Бол и мистер Гас принялись кидаться оскорблениями, словно печеньками. Так было почти каждый вечер, и скоро они начинали швыряться ножами и щелкать затворами, мешая ему сосредоточиться на первых словах, которые он скажет Лорене. И мистер Гас, и Боливар прожили беспокойную жизнь и, похоже, все еще рвались в бой. Ньют не сомневался, что, вспыхни ссора, победит мистер Гас. Гороховый Глаз говорил, что он лучше стреляет из револьвера, чем капитан Колл, хотя Ньют с трудом представлял, что кто-то может быть в чем-то лучше капитана Колла. Он не хотел, чтобы случилась ссора, потому что тогда Болу конец, а, несмотря на тревогу насчет его соратников-бандитов, Бол Ньюту нравился. Старик однажды дал ему серапе вместо одеяла и уступил нижнюю койку, когда Ньют маялся желтухой. Если мистер Гас пристрелит его, у Ньюта станет на одного друга меньше. Поскольку родных у него не было, ему эта перспектива не улыбалась.

– Как вы думаете, что там капитан делает в темноте? – спросил он.

Огастес улыбнулся пареньку, который съежился на нижней ступеньке и напоминал испуганного щенка. Он задавал этот вопрос каждый вечер, когда опасался ссоры. Он хотел, чтобы в случае чего Колл находился рядом.

– Играет в индейцев, – сказал Огастес.

Ньют сомневался, что это так. Капитан ни во что играть не станет. Если он полагает, что ему нужно каждый вечер уходить и сидеть в темноте, значит он считает это важным.

Упоминание об индейцах вывело Горохового Глаза из алкогольной дремы. Он ненавидел индейцев отчасти потому, что страх перед ними не давал ему спокойно спать вот уже тридцать лет. В бытность рейнджером он никогда не закрывал глаза без опасения, что, когда их снова откроет, увидит здоровенного индейца, готового его прирезать. Большинство индейцев, которых ему приходилось до сих пор видеть, были худы и малы ростом, но это вовсе не означало, что гигант, который гонялся за ним во сне, не поджидает его где-то в реальности.

– А что, они вполне могут появиться, – сказал он. – Капитан прав, что опасается. Не будь я так ленив, помог бы ему.

– Да не нужна ему твоя помощь, – угрюмо сказал Огастес.

Его порой раздражала слепая преданность Глаза Коллу. Сам он прекрасно знал, почему Колл каждую ночь ходил к реке, и с индейцами тут никакой связи не было. Он говорил об этом раньше, но повторил снова.

– Он ходит к реке, потому что устал от нашего трепа, – пояснил он. – Он необщительный человек, всегда был таким. В лагере его не удержать, если он уже поел. Он предпочитает сидеть в темноте и держать ружье наготове. Сомневаюсь, что он заметит индейца, если таковой и появится.

– Раньше он их всегда выслеживал, – сказал Глаз. – Это он нашел ту большую шайку возле форта Фантом-Хилл.

– Господи, Глаз! – возмутился Огастес. – Ну конечно, он нашел пару-тройку краснокожих. Что и говорить, их было как саранчи. Но уверен, сегодня ему ни одного не выследить. Колл из тех, кто вечно за всех страдает, вот в чем дело. Я не говорю, что он, как некоторые, гоняется за славой. Слава Коллу неинтересна. Но он должен исполнить свой долг девятикратно, иначе не заснет.

Все помолчали. Гороховый Глаз всегда чувствовал себя неловко, когда Гас критиковал капитана Колла, и не знал, что сказать. Если он и отвечал, то, как правило, словами самого же капитана.

– Что же, кому-то приходится и посидеть на жестком, – отозвался он.

– Ну и валяй, – сказал Гас. – Пусть Колл страдает за меня, тебя, Ньюта и Дитца, да и за любого, кто отказывается это делать без приказа. Очень кстати, что все эти годы он был с нами и нес на своих плечах этот проклятый груз. Но если ты думаешь, что он делает это ради нас, а не потому, что ему так нравится, то ты дурак набитый. Он там сидит в чапарале и радуется, что ему не надо слушать, как Бол хвастает своей женой. Он не хуже нас с тобой знает, что в округе и за шестьсот миль нет никаких врагов.

Бол повернулся лицом к фургону и облегчался, как показалось Ньюту, минут десять-пятнадцать. Нередко, когда Бол начинал отливать, мистер Гас вынимал из кармана свои старые серебряные часы и засекал время. Иногда он даже доставал огрызок карандаша и маленькую записную книжку из кармана старого черного жилета, что он носил не снимая, и записывал, сколько минут Боливар мочился.

– Это показывает, как быстро Бол сдает, – объяснял Огастес. – Из старика просто капает, как из новорожденного теленка. Лучше буду записывать, чтобы знать, когда подыскивать нового повара.

На этот раз, однако, выступлением Бола больше заинтересовались свиньи, чем мистер Гас, который просто еще разок приложился к виски. Бол выдернул нож из стенки фургона и исчез в доме. Свиньи подошли к Ньюту, чтобы он почесал их за ушами. Гороховый Глаз привалился к перилам и начал храпеть.

– Глаз, проснись и топай в постель, – сказал Огастес, пиная его до тех пор, пока тот не очнулся. – Мы с Ньютом можем забыть тебя здесь, и тогда эти черти сожрут тебя с потрохами, и пряжки от ремня не оставят.

Гороховый Глаз поднялся, почти не открывая глаз, и, шатаясь, направился в дом.

– На самом деле они не станут его жрать, – сказал Ньют.

Хряк расположился на нижней ступеньке, приветливый, как пес.

– Конечно нет, но Глаза нужно пугнуть, чтоб он сдвинулся с места, – сказал Огастес.

Ньют увидел, как возвращается капитан, неся винтовку на сгибе руки. Как всегда, Ньют почувствовал облегчение. Почему-то ему становилось спокойнее, когда капитан был здесь. Легче заснуть. Где-то глубоко в нем засела мысль, что когда-нибудь капитан может не вернуться. Не то чтобы он боялся, что капитана убьют или ранят, нет, он боялся, что тот просто уйдет. Ньюту казалось, что капитан, скорее всего, устал от них от всех, что вполне объяснимо. И он, и Глаз, и Дитц старались изо всех сил, но мистер Гас вообще не старался, да и Бол целыми днями сидел и пил текилу. Может, однажды капитан просто оседлает Адскую Суку и уедет.

Иногда, хоть и редко, Ньют мечтал, что капитан не просто уедет, но возьмет его с собой на высокие равнины, о которых он слышал, но никогда не видел. В его мечтах больше никогда никого не было: только он и капитан, верхом, в прекрасных зеленых лугах. То были приятные мечты, но всего лишь мечты. Если капитан и вправду уедет, он, скорее всего, возьмет с собой Глаза, потому что Глаз много лет был у него сержантом.

– Что-то скальпов не вижу, – сказал Огастес, когда Колл подошел.

Колл не обратил на него внимания, прислонил ружье к перилам и закурил.

– Хорошая ночка, чтобы гонять стада, – сказал он.

– Ну перегоним, и что? – спросил Огастес. – Что-то я покупателей не наблюдаю.

– Мы могли бы доставить скот прямо к ним, – предложил Колл. – Так уже делалось. Нет такого закона, который бы запрещал тебе работать.

– У меня свои законы, – сказал Огастес. – Мы за покупателями не бегаем. Они сами приходят. Тогда мы перегоняем скот.

– Капитан, а можно мне в следующий раз пойти? – сказал Ньют. – Мне кажется, я уже достаточно взрослый.

Колл поколебался. Скоро все равно придется сказать «да», но сейчас он к этому не готов. Не слишком честно по отношению к мальчишке, надо же ему когда-то учиться, но Колл все равно не мог заставить себя сказать «да». Он в свое время водил таких мальчишек в бой, и видел, как их убивают, и не хотел увидеть такое еще раз.

– Ты так скоро состаришься, если будешь ночами сидеть не спавши, – сказал он. – Завтра работать. Иди-ка в кровать.

Мальчик пошел сразу, но вид у него был разочарованный.

– Спокойной ночи, сынок, – добавил Гас и посмотрел при этом на Колла. Колл промолчал.

– Тебе надо было разрешить ему посидеть, – сказал Огастес немного спустя. – В конце концов, все его образование – слушать мои разговоры.

Колл и это пропустил мимо ушей. Огастес год ходил в колледж где-то в Виргинии, утверждал, что знает греческий алфавит и еще немного по-латыни. И никому не давал об этом забыть.

Из салуна доносились звуки пианино. Играл всегда Губастик Джонс, один из старожилов. У него была та же проблема, что когда-то и у Сэма Хьюстона[6], а именно – дыра в животе,

[6] *Сэмюэл Хьюстон* (1793–1863) – губернатор Теннесси (1827–1829), первый и третий президент республики Техас (1836–1838, 1841–1844), губернатор штата Техас (1859–1861); был тяжело ранен в сражении с индейцами племени криков, известном как Битва у подковной излучины (27 марта 1814 г.).

которая никак не затягивалась. Кто-то засадил в Губастика немалым калибром, но, вместо того чтобы умереть, тот продолжал жить с протечкой. Ему еще повезло, что с таким увечьем он мог играть на пианино. Огастес встал и потянулся. Снял со спинки стула кольт в кобуре. С его точки зрения, было еще рано. Ему пришлось переступить через хряка, чтобы спуститься с веранды.

– Ты зря так упрямишься с мальчиком, Вудро, – сказал он. – Он уже достаточно жизни потратил, сгребая лошадиное дерьмо.

– Я малость постарше него и все еще разгребаю свою долю дерьма, – сказал Колл.

– Это уж как тебе вздумается, – сказал Огастес. – С моей точки зрения, есть менее вонючие способы подзаработать. В карты играть, к примеру. Пожалуй, пойду-ка я в эту забегаловку и посмотрю, не найдется ли с кем сыграть.

Колл уже почти докурил.

– Я бы не возражал, чтоб ты играл в карты, если б только это, – сказал он.

Огастес усмехнулся. Колла не переделаешь.

– Это ты к чему? – спросил он.

– Ты никогда так много не играл, – сказал Колл. – Последи лучше за этой девкой.

– А чего за ней следить?

– Как бы она тебя на себе не женила, – сказал Колл. – Как раз такой дурак ей и нужен. Я здесь эту шлюху не потерплю.

Огастес от души расхохотался. Коллу часто приходили в голову странные мысли, но это была самая смешная – решить, что мужик в его годах и с его опытом может жениться на проститутке.

– Увидимся за завтраком, – заключил он.

Колл еще немного посидел на ступеньках, слушая, как храпят свиньи.

3

Лорене никогда не приходилось жить в прохладном месте, хотя она всегда об этом мечтала. Ей казалось, что она начала потеть сразу, как начала дышать, и с тех пор так и продолжает. Из всех тех мест, о которых говорили мужчины, самым прохладным и привлекательным казался Сан-Франциско, так что на Сан-Франциско она и нацелилась.

Вот только дела продвигались медленно. Ей уже двадцать четыре, а она еще и на милю не отъехала от Одинокого Голубя, что нельзя считать прогрессом – если учесть, что ей было всего двенадцать, когда ее родители бежали от янки из Мобила[7].

Такое отсутствие результатов могло разочаровать практически любую женщину, но Лорена старалась не слишком огорчаться. Бывало у нее плохое настроение, но в Одиноком Голубе это неудивительно. Ей надоело целый день глазеть в окошко и не видеть ничего, кроме коричневой земли и серого чапараля. В полдень солнце так палило, что все земля казалась белой. Из окна ей было видно реку и Мексику. Губастик говорил ей, что в Мексике она могла бы заработать состояние, но ее это не интересовало. То, что было видно из окна, ничем не отличалось от Техаса, и мужики воняли так же, если не хуже.

Гас Маккрей хвастал, что якобы бывал в Сан-Франциско, и мог часами рассказывать ей, какая там голубая вода в заливе и как туда заходят корабли со всех уголков мира. Но, как обычно, он перебалтывал. Иногда, слушая Гаса, Лорена думала, будто у нее возникает четкая картина, но к тому времени, когда он замолкал, в голове все путалось и оставалось только желание попасть куда-нибудь, где попрохладнее.

В этом отношении Гас отличался от других, потому что большинство времени на разговоры не тратили. Этот же начинал трепаться, еще не успев засунуть свою подсохшую морковку, и продолжал до самого конца. И хотя по местным меркам он был щедр, давая Лорене за каждый раз по пять долларов золотом, ей все время казалось, что он недоплачивает. Надо бы брать пятерку за манипуляции с морковкой, да еще пятерку за то, что приходится слушать его треп. Иногда он рассказывал интересно, но Лорене было трудно сосредоточиться. Похоже, Гаса это не обижало. Он говорил с одинаковым энтузиазмом вне зависимости от того, слушала она его или нет, да и к тому же никогда не пытался попользовать ее дважды за одну плату, как большинство мужиков помоложе.

Это казалось странным, потому что он был ее самым старым и регулярным клиентом. Лорена взяла за правило не удивляться ничему из того, что касается мужчин, но втайне слегка изумлялась, что такой старый мужик, как Гас, еще так неплохо функционирует. Тут он мог бы посрамить и многих помоложе, включая Мосби Марлина, который содержал ее два года в Восточном Техасе. В сравнении с Гасом у Марлина была не морковка, а нечто, напоминающее маленькую суховатую редиску, которой он безмерно гордился.

Ей было всего семнадцать, когда она встретила Мосби, а родителей у нее уже не было. Отец умер в Виксберге, а мать исхитрилась добраться только до Батон-Ружа, где Лорена и застряла и где ее подобрал Мосби. Она тогда еще не вышла на панель, хотя развилась рано и испытывала некоторые трудности с собственным папашей, но он тогда был в горячке и почти ничего не соображал. И вскоре умер. Она с самого начала знала, что Мосби пьяница, но тот уверил ее, что он джентльмен с Юга, и у него была дорогая повозка и хорошая пара лошадей, так что она ему поверила.

Мосби врал, что женится на ней, и поскольку этому Лорена тоже верила, она позволила ему затащить себя в большой старый дом со сквозняками недалеко от местечка, называемого

[7] Осада войсками северян города Мобил в штате Алабама весной 1865 г., одна из последних кампаний Гражданской войны в США.

Глейдуотер. Дом был огромный, но в нем ничего не было, ни стекол в окнах, ни ковров, ничего. Им приходилось устраивать в комнатах дымовую завесу, чтобы комары не сожрали их заживо, хотя злобным тварям все равно это почти удавалось. У Мосби обнаружилась матушка, две злючки-сестры, ни цента денег и никакого желания жениться на Лорене, хотя он некоторое время и делал вид, что собирается.

По сути, эти бабы относились к Лорене поганее, чем к черномазым, а уж к этим-то они относились хуже некуда. Мосби тоже от них доставалось, да и друг другу они готовы были перегрызть глотку. Единственными существами в доме, к которым относились по-доброму, были гончие Мосби. Мосби пригрозил, что пошлет гончих по ее следу, если она вздумает сбежать.

Именно ночью, когда Лорена лежала в таком густом дыму, что было трудно дышать, и вокруг тучи комаров, да еще Мосби лезет к ней со своей редиской, она впадала в такое уныние, что отказывалась разговаривать. Она стала молчаливой. Немного погодя ей пришлось начать торговать собой, потому что Мосби проиграл так много денег, что однажды вечером предложил двоим своим приятелям трахнуть ее в счет долга. Лорена так удивилась, что даже не сопротивлялась, и мужики получили то, за чем пришли. Но на следующее утро, когда они удалились, она пошла к Мосби с его собственным арапником и так отделала ему физиономию, что Лорену бросили на два дня в подвал и даже еды не давали.

Через два или три месяца история повторилась с другими приятелями, и на этот раз Лорена не сопротивлялась. Она так устала от Мосби с его редиской и дымом, что приветствовала любое разнообразие. Мамаша и злючки-сестры возжелали выгнать ее из дому, но Мосби закатил такую истерику, что одна из сестер сама сбежала к тетке.

Затем однажды вечером Мосби продал ее на раз просто случайному человеку и, похоже, собрался делать это регулярно. Вот только второму мужику, которому он запродал Лорену, она понравилась. Его звали Джон Тинкерсли, и он был самым высоким и симпатичным из всех, с кем Лорене приходилось спать. И самый чистый. Когда он спросил, замужем ли она за Мосби, она сказала – нет. Тогда Тинкерсли предложил ей поехать с ним в Сан-Антонио. Лорена с радостью согласилась. Мосби так потрясло ее решение, что он предложил позвать священника и тут же на ней жениться, но к тому времени Лорена уже сообразила, что замужем за Мосби ей будет еще хуже, чем сейчас. Мосби попытался было задираться, но с Тинкерсли он все равно бы не справился и понимал это. Ему только удалось продать Тинкерсли лошадь для Лорены вместе с женским седлом, которые принадлежали сбежавшей сестре.

Сан-Антонио оказался несравненно лучше Глейдуотера хотя бы уже потому, что там было меньше комаров. Они остановились в двух комнатах в гостинице, не самой лучшей в городе, но вполне приличной, и Тинкерсли купил Лорене кое-что из одежды. Конечно, сделал он это на деньги, вырученные от продажи лошади и седла, что слегка разочаровывало. Она обнаружила, что ей нравится ездить верхом. Она бы с радостью поскакала в Сан-Франциско, но Тинкерсли это не интересовало. Хоть и высокий, красивый и чистый, он оказался ненамного лучше Мосби. Если он кого и любил, так это самого себя. Он даже платил за то, чтобы ему стригли ногти, чего Лорена никак не ожидала от мужика. К тому же он был жестоким. С Мосби он справился как с младенцем, но, когда Лорена в первый раз ему отказала, он ударил ее так, что она головой разбила миску для мытья рук, стоящую на комоде. В ушах три дня звенело. Он пригрозил, что может быть и хуже, и Лорена знала, что это не пустые угрозы. С той поры она старалась держать язык за зубами в его присутствии. Он дал ей понять, что жениться на ней и не собирался, когда увозил от Мосби, и это не очень ее огорчило, поскольку к тому времени она уже перестала думать о замужестве.

Но она вовсе не считала себя падшей женщиной, хотя именно этого и пытался добиться от нее Тинкерсли.

– Ну ты ведь уже освоила науку, – сказал он.

Лорена не считала случаи в Глейдуотере освоением чего бы то ни было. Но с другой стороны, у нее не было и никакой приличной профессии, даже если бы удалось сбежать от Тинкерсли живой и невредимой. Несколько дней ей казалось, что он ее любит, но вскоре он дал ей понять, что она для него не больше, чем хорошее седло. Так что пришлось признать, что на ближайшее время выбирать не из чего. Оставалась только проституция. Но хотя бы комнаты в гостинице были приличными, и надо еще учесть отсутствие злых сестриц. Большинство клиентов, приходивших к ней, были мужчины, с которыми Тинкерсли играл внизу в баре. Иногда кто-нибудь поприятнее давал ей деньги напрямую, но Тинкерсли в этих делах быстро разобрался, нашел место, где она прятала деньги, и обчистил ее перед отъездом в Матаморос. Возможно, он так бы не поступил, но его преследовали неудачи, потому что его красота не делала его автоматически хорошим игроком, как часто объясняли Лорене клиенты. Он был игроком средним, а в Сан-Антонио ему особенно не повезло, вот он и решил, что, возможно, на границе с Мексикой не будет такой большой конкуренции.

Во время этого путешествия они крепко поругались. Лорена так разозлилась насчет денег, что потеряла весь страх перед Тинкерсли. Она хотела его убить на месте за то, что он обобрал ее до нитки. Знай она побольше о револьверах, она таки убила бы его. Но она думала, что в револьвере надо только нажать на спусковой крючок, однако выяснилось, что надо сначала взвести курок. Тинкерсли валялся на кровати пьяный, но не настолько, чтобы не заметить, как она ткнула ему в живот его же собственным револьвером. Когда она поняла, что револьвер не выстрелит, у нее хватило времени ударить его револьвером в лицо. В конечном итоге именно поэтому ей удалось одержать над ним верх, хотя, прежде чем он сдался и пошел к врачу накладывать швы, он успел укусить ее за верхнюю губу, пока они катались по полу и Лорена все надеялась, что револьвер выстрелит.

От его укуса остался маленький шрам над верхней губой. Лорена забавлялась, наблюдая, как из-за этого шрама мужики слетаются к ней как пчелы на мед. Конечно, не только в шраме было дело. Она неплохо развилась и с возрастом похорошела. Но шрам сыграл свою роль. Перед тем как бросить ее в Одиноком Голубе, Тинкерсли напился и рассказывал всем, что у нее наклонности убийцы. Так что она еще не успела распаковать вещи, а уже заработала репутацию. Тинкерсли не оставил ей ни цента, но, к счастью, она умела готовить, если была такая нужда. «Сухой боб» был единственным местом, где кормили, и Лорене удалось уговорить Ксавье Ванза, владельца салуна, позволить ей готовить, пока ковбои не перестанут ее опасаться и не начнут подбивать клинья.

Все началось с Огастеса. Снимая сапоги в первый раз, он улыбнулся ей.

– Откуда у тебя этот шрам? – спросил он.

– Укусили, – сказала Лорена.

Как только Гас начал ходить к ней регулярно, она без труда стала зарабатывать себе на жизнь в городке, правда летом, когда все ковбои находились в разъездах, доходы падали. Хотя она уже давно перестала доверять мужчинам, однако скоро почувствовала, что Гас – особое дело, во всяком случае в Одиноком Голубе. Он не был злым и никогда не вел себя с ней так, как обычно ведут себя мужики с продажной женщиной. Она знала, что, если ей понадобится помощь, он поможет. Ей казалось, что ему удалось освободиться от чего-то такого, от чего другим избавиться не удается, – от злости или какой-то другой тяготы. Он был единственным, кроме Губастика, с кем она иногда разговаривала, совсем немного. Большинству же клиентов ей нечего было сказать.

Надо заметить, что ее молчаливость широко обсуждалась. Как и шрам, она стала ее приметой и, как и шрам, притягивала мужчин, хотя вызывала беспокойство в глубине души. Не то чтобы она использовала молчание в качестве приманки, хотя и заметила, что оно возбуждает клиентов и так дела идут быстрее. Просто в присутствии мужчин ей было удобнее молчать.

Гас Маккрей и к молчанию ее относился иначе, чем остальные. Сначала он вроде его не замечал, и уж точно оно его не беспокоило. Потом стало его забавлять, а к такой реакции Лорена не привыкла. Большинство мужчин рядом с ней трещали как белки, явно рассчитывая на ответ. Конечно, Гас был великим трепачом, но даже его треп не походил на болтовню других мужчин. Он был полон мнений и свободно их высказывал, и его все забавляло. Лорена не видела в жизни ничего забавного, а вот Гас видел. Даже ее молчание веселило его.

Однажды он вошел и уселся на стул с обычной беззаботностью. Лорена решила, что он собирается снять сапоги, и пошла к кровати, но оглянулась и увидела, что он продолжает сидеть, положив ногу на ногу, и вращает колесико на шпоре. Он всегда носил шпоры, хотя верхом она редко его видела. Временами, ранним утром, когда ее будил топот лошадиных копыт или мычание скота, она выглядывала в окошко и видела его с напарником и других всадников, перегоняющих скот через низкий кустарник в восточную часть города. Гаса легко было узнать, он ездил на крупной вороной лошади, которая, судя по виду, могла бы спокойно одна тащить три почтовых дилижанса. Но Гас продолжал носить шпоры, даже когда не ездил верхом, так что они всегда были у него под рукой, если ему вдруг захочется побренчать.

– Шпоры – единственный музыкальный инструмент, на котором я научился играть, – однажды сказал он.

Он просто сидел, вращая колесико и улыбаясь, и Лорена не знала, раздеваться ей или нет. Она попробовала расправить простыни, но они так сморщились от жары, что толку не было.

– Господи, ну и пекло, – продолжал Гас. – Могли бы с тем же успехом жить в Канаде. Вряд ли сегодня мне хватит сил на стояк.

«Зачем тогда приходил?» – подумала Лорена.

Что еще было необычно в Гасе, так это его умение читать ее мысли. В данном случае он смутился и, вытащив из кармана золотую монету в десять долларов, подкинул к ней. Лорена забеспокоилась. Даже если у него встанет, он переплачивал ей пять долларов. Она знала, что старики иногда сходят с ума и требуют странных вещей. К примеру, всегда возникали проблемы с Губастиком из-за его дыры в животе. Он и на пианино-то едва играл. Но оказалось, что она зря беспокоилась насчет Гаса.

– Я тут подумал кое-что, Лори, – сказал он. – Я догадался, почему мы с тобой так поладили. Ты знаешь больше, чем говоришь, а я говорю больше, чем знаю. То есть мы с тобой идеально подходим друг другу, если, конечно, не засидимся вдвоем дольше чем на час.

Лорена ничего не поняла, но расслабилась. Непохоже, что он захочет чего-нибудь несусветного.

– Тут десять долларов, – сказала она, думая, что, может, он не заметил, какую дал монету.

– Знаешь, цены – смешная вещь, – сказал он. – Я знавал проституток и всегда удивлялся, чего это они не сделают цены погибче. Будь я на твоем месте, если бы мне приходилось иметь дело с вонючим старичьем, я бы запросил больше, а вот с симпатичного молодого парня, который не забывает бриться, может, больше пяти центов и не взял бы.

Лорена вспомнила Тинкерсли, который пользовался ею два года, забирал все, что она зарабатывала, и потом бросил ее без цента в кармане.

– Пять центов маловато, – сказала она. – Можно обойтись и без бритья.

Но Огастесу хотелось поспорить.

– Скажем, ты ставишь нижнюю цену в два доллара. Это для тех, что чисто выбрит. Какая же может быть самая большая цена для старого хрена, который даже читать не умеет? Я что хочу сказать, ведь все мужики разные, так и цена должна быть разная, прав я или нет? Хотя, может, с твоей позиции все мужики одинаковые.

Лорена подумала и увидела в этом смысл. Не все мужики одинаковые. Некоторые были симпатичные, и она обращала на них внимание, а на других не на что было и глянуть, боль-

шинство же – ни то ни се. Просто мужчины, и от них оставались деньги, а не воспоминания. Запоминала она пока только мерзких.

– А за что десятка? – спросила она, решив проявить немножко любопытства, раз уж, судя по всему, дальше разговоров дело не пойдет.

– Надеялся, что ты разговоришься, – улыбнулся Огастес.

Она никогда не видела у мужчины таких белых волос, как у Огастеса. Он как-то упомянул, что поседел, когда ему было тридцать, что сделало его жизнь еще опаснее, поскольку индейцы считали белый скальп особенно ценным.

– Если ты помнишь, я был дважды женат, – сказал он. – Собрался было жениться в третий, но та женщина совершила ошибку и не вышла за меня.

– И какая связь с деньгами? – спросила Лорена.

– Суть в том, что я по натуре не холостяк, – сказал Огастес. – Иногда разговор с женщиной стоит любых денег. Я тут подумал, может, ты оттого молчишь, что не попался тебе мужик, которому бы нравилось слушать женщину. Слушать женщин в этих краях не в обычае. Но думаю, у тебя тоже своя жизненная история, как и у всех. Если хочешь рассказать, я бы с удовольствием послушал.

Лорена подумала. Гас не выглядел смущенным. Сидел и крутил колечко на шпоре.

– Всяко в этих краях твоя работа – составить женское общество, – продолжал он. – Там, где похолоднее, все, может, и не так. Холодный климат будоражит парня, он хочет покрутить стручком. Но здесь, в таком пекле, все просто хотят женского общества.

В его словах явно был смысл. Мужчины иногда смотрели на нее так, будто хотели видеть в ней свою возлюбленную, особенно молодые, но некоторые из старых тоже. Один или двое даже предлагали взять ее на содержание; правда, где именно они собирались ее держать, не поясняли. Она и так жила в единственной свободной спальне во всем Одиноком Голубе. Им просто хотелось ненадолго побыть женатыми – пока не придет пора отправляться в путь. Некоторые девушки соглашались, жили с одним каким-нибудь ковбоем месяц или полтора, получали от него подарки и делали респектабельный вид. Она знала таких девиц в Сан-Антонио. Что ее больше всего удивляло, так это то, что девушки как будто верили в эти игры не меньше ковбоев. Они не только прикидывались приличными, но еще и ревновали друг дружку и дулись целыми днями, если их парни как-то не так себя вели. Лорену такие вещи не интересовали. Те, кто приходит к ней, должны понимать, что она в эти игры не играет.

Немного погодя она решила, что не хочет рассказывать Огастесу свою историю. Она застегнула платье и протянула ему десять долларов.

– Такое не стоит десятки, – сказала она. – Даже если бы я и сумела все вспомнить.

Огастес сунул деньги назад в карман.

– Надо было понять, что не стоит пытаться купить твой рассказ. – Он все еще улыбался. – Идем вниз, сыграем в карты.

4

Оставив Колла сидеть на ступеньках, Огастес медленно прошел мимо фургонов по двору и дальше по улице, остановившись на минуту на песчаном русле Шляпного ручья, чтобы пристегнуть кобуру с револьвером. Ночь стояла тихая, как сон. В такую ночь вряд ли ему придется стрелять в кого-нибудь, но всегда стоит иметь оружие под рукой, если возникнет нужда приструнить пьяницу. То был старый кольт – страшилище со стволом в семь дюймов и весивший, как он любил говорить, столько же, как нога, к которой был пристегнут. Одного удара хватало для любого пьяницы, а двумя можно было уложить быка, если Огастес размахнется как следует.

Ночи на границе отличались от ночей в Теннесси, и он успел полюбить их. Насколько он помнил, ночи в Теннесси бывали ватные, пушистый туман заполнял все низины. На границе же ночи были такими сухими, что пахло пылью, и прозрачными, как утренняя роса. Фактически ночи стояли такие ясные, что, странное дело, даже в безлунную ночь из-за одних только звезд от каждого куста и ограды ложилась тень. Гороховый Глаз, имевший привычку шарахаться от любой тени, иногда обходил невинный чапараль, принимая его за бандитов. У Огастеса нервы были покрепче, но даже он, едва зашагав по улице, испугался: прямо по ногам прокатилась маленькая круглая тень. Он отпрыгнул в сторону, опасаясь змеиного укуса, хотя умом понимал, что змеи не катаются как шары. Потом увидел пробегающего мимо броненосца. Разглядев его хорошенько, Огастес уже собрался было дать ему хорошего пинка, чтобы не бегал по улице и не пугал людей, но броненосец пронесся мимо с видом, будто имел столько же прав на эту улицу, что и банкир.

Не сказать, чтобы в городке кишмя кишело народу, да и с освещением было плоховато, хотя в доме у Памфри горел свет. Их дочь должна была вот-вот родить. Семья Памфри держала лавку. Ребенок, которого ждала их дочь, появится на свет безотцовщиной, поскольку парень, который на ней женился, утонул по осени в Репабликан-Ривер, когда девушка только забеременела.

У салуна, куда подошел Огастес, была привязана всего одна лошадь, стройная гнедая, принадлежащая ковбою по прозвищу Помойный Боггетт, за то, что однажды вернулся после перегона с такой жаждой, что не смог дождаться своей очереди у бочки и напился воды от грязной посуды, которую собирался выплеснуть повар. При виде гнедой у Огастеса поднялось настроение, потому что Пом Боггетт обожал играть в карты и абсолютно не умел. У него, конечно, скорее всего, и денег-то нет, но это игре не помеха. Пом был рукастый и всегда при деле, и Огастес не имел ничего против игры на будущие заработки.

Когда он вошел в дверь, все выглядели раздраженными, потому что Губастик наяривал «Мою красотку за морями»[8], песню, которую обожал и играл так, словно хотел, чтобы его услышали в столице Мексики. Хозяин заведения, коротышка-француз Ксавье Ванз, нервно протирал столики мокрой тряпкой. Ксавье, похоже, считал главным в своем деле держать столы чистыми, хотя Огастес ему неоднократно заявлял, что все это чушь собачья. Большинство завсегдатаев были настолько небрезгливы, что не сказали бы ни слова против дохлого скунса на столе, не говоря уже о крошках и лужах от пролитой выпивки.

Сам Ксавье, можно сказать, был в Одиноком Голубе почти монополистом чистоплотности. Он круглый год ходил в белой рубашке, раз в неделю подстригал усы и даже носил бабочку – точнее, черный шнурок, старательно игравший роль галстука-бабочки. Какой-то ковбой свистнул последнюю настоящую бабочку Ксавье, решив, наверное, с ее помощью впечатлить какую-нибудь девчонку. Шнурок был недостаточно жестким, так что петли его свисали,

[8] «Моя красотка за морями», «Мой милый живет за морями» («My Bonnie Lies Over the Ocean») – шотландская народная песня, известная не позднее чем с XVIII в.

придавая меланхоличности Ксавье, который и так-то был печальнее некуда. Ксавье родился в Новом Орлеане и очутился в Одиноком Голубе, потому что кто-то его убедил, будто Техас – земля возможностей. Скоро обнаружив обратное, он оказался слишком горд, а может, слишком фаталист, чтобы попытаться исправить ошибку. Он проводил дни в салуне с покорностью, которая временами становилась взрывоопасной. И когда он взрывался, незлобивую атмосферу салуна наполняли креольские проклятия.

– Добрый вечер, дорогой друг. – Огастес сказал это со всей торжественностью, которую мог изобразить, потому что Ксавье приветствовал церемонии.

В ответ Ксавье коротко кивнул. Трудно было обмениваться любезностями, когда Губастик заходился в экстазе.

Пом сидел за столиком с Лореной, надеясь уговорить ее обслужить его в кредит. Хотя Пому было всего двадцать два года, он носил длинные, как у моржа, усы, отчего казался старше и торжественнее. Цвет усов ушел от желтого, но не добрался до коричневого – как окрас у диких собак в прерии, подумал Огастес. Он частенько говорил Пому, что, если тот решит съесть дикую собаку, ему придется подобрать слюни, – намек на усы, неуловимо ускользавший от Пома.

Лорена сидела с обычным отсутствующим видом. Ее пышные и мягкие белокурые локоны выделяли ее в краю, где у большинства местных женщин волосы были не мягче седельных ремней. Чуть впалые щеки делали ее одуряюще красивой. Огастес по опыту знал, как опасны женщины со впалыми щеками. Обе его жены отличались пухлыми щечками, но не перенесли местного климата. Одна умерла от бронхита на второй год после замужества, вторую унесла корь через семь лет. Но эта женщина, Лорена, напоминала Огастесу Клару Аллен, которую он любил сильнее и глубже всех, да и продолжал любить. Только Клара смотрела прямо и глаза искрились, а взгляд Лорены уходил в сторону. И все равно что-то в ней напоминало ему Клару, которая предпочла выйти замуж за надежного торговца лошадьми.

– Черт возьми, Пом, – сказал он, подходя к столу. – Вот уж не ожидал увидеть тебя не у дел в это время года.

– Одолжи пару долларов, Гас, – сказал Боггетт.

– Не надейся, – сказал Огастес. – С чего бы это мне давать в долг бездельнику? Ты сейчас должен перегонять скот.

– Как раз на той неделе и отправляюсь, – сказал Пом. – Одолжи мне два доллара, я тебе осенью отдам.

– Если не потонешь, не попадешь под копыта или тебя не повесят, когда ты кого-нибудь пристрелишь, – сказал Огастес. – Нет уж, сэр. Слишком рискованно. К тому же ты ведь хитрец, Пом. Скорее всего, у тебя эти два доллара есть, ты просто не хочешь их тратить.

Губастик закончил концерт и присоединился к ним. На нем был коричневый котелок, который он подобрал по дороге в Сан-Антонио несколько лет назад. Или его сдуло с головы кучера почтовой кареты, или индейцы захватили какого-то беспечного коммивояжера и пренебрегли его шляпой. По крайней мере, объясняя причину своего везенья, Губастик придерживался именно этих двух версий. С точки зрения Огастеса, шляпа смотрелась бы лучше, если бы пару лет ее поносило ветрами по прерии. Губастик надевал ее, только когда играл на пианино. Если же он играл в карты или занимался своей дырой в животе, то стряхивал в котелок сигарный пепел и порой забывал вытряхнуть его, прежде чем надеть шляпу на голову. На черепе у него осталось всего несколько серых волнистых прядей, так что от пепла хуже не становилось, но пепел представлял собою лишь часть надругательств над котелком. Он бывал и подушкой, и в разное время на него столько всего проливали, что что от одного вида шляпы Огастеса тошнило.

– Выглядит как жвачка бизона, – сказал он. – Из шляпы не следует делать ночной горшок, знаешь ли. Я бы на твоем месте ее выкинул.

Губастика прозвали так потому, что по размерам его нижняя губа походила на отворот седельной сумки. Он мог заложить за нее столько еды, что человеку хватило бы на месяц. Как правило, губа жила своей жизнью где-то в нижней части лица. Даже если он сидел неподвижно, разглядывая карты, губа колыхалась и извивалась, как на ветру, и так оно и было. У Губастика что-то не ладилось с носом, так что он всегда дышал широко открытым ртом.

Ко всему привычная, Лорена все же с трудом выносила, как хлюпал во время еды Губастик. Ей даже однажды приснился сон, будто какой-то ковбой подошел к Губастику и пристегнул его нижнюю губу к носу, словно клапан кармана. Но ее отвращение не могло сравниться с негодованием Ксавье, который внезапно прекратил вытирать столы, подошел к Губастику и сорвал шляпу с его головы. Ксавье был не в духе, и все его лицо дрожало как у пойманного в силок зайца.

– Позор! Я эту шляпу не позволю! Кто может есть? – сказал Ксавье, хотя никто даже и не пытался есть.

И, подойдя к выходу, он швырнул котелок за дверь. Когда-то, еще мальчиком, он работал судомоем в ресторане Нового Орлеана, где на столах были скатерти, – образец совершенства, который преследовал его с тех пор. Каждый раз, глядя на голые столы в «Сухом бобе», он ощущал провал. На столах не только не было скатертей – они еще были такие неровные, что, проведя рукой по столешнице, вполне можно было посадить занозу. К тому же столы были лишены приятной округлости, поскольку ковбои имели привычку обстругивать их ножами, и за годы большинство столов приобрели несимметричный вид.

У Ксавье лично имелась льняная скатерть, которую он вытаскивал раз в году, в годовщину смерти своей жены. Жена его была сволочной бабой, и он вовсе не тосковал по ней, но это был единственный повод использовать скатерть в Одиноком Голубе. Его жена Тереза третировала не только его, но и лошадей, потому-то ее упряжка взбесилась и рухнула в овраг, причем повозка приземлилась ровно на Терезу. Во время ежегодного ужина в ее честь Ксавье еще раз доказывал, что он все еще настоящий ресторатор с твердой рукой – он умудрялся напиться и не пролить ни капли на скатерть. На эти ужины приглашался только Огастес, но и он приходил лишь раз в три или четыре года, из вежливости. Ужины эти были не просто грустны и нелепы – все в Одиноком Голубе были рады проститься с Терезой, – но и слегка опасны. Огастес не отличался аккуратностью, свойственной Ксавье, к скатертям не испытывал такого же уважения и знал, что, запятнай он эту бесценную холстину алкоголем, добром дело не кончится. Не то чтобы ему пришлось бы пристрелить Ксавье, но могла возникнуть досадная необходимость врезать ресторатору по маленькой башке большим револьвером.

С точки зрения Ксавье, шляпа Губастика была последней каплей. Ни один уважающий себя человек не мог позволить себе носить такую шляпу в его заведении, не говоря уже о том, чтобы его служащий носил такое на голове. Так что время от времени он срывал ее с головы Губастика и выкидывал за дверь. Может, ее сжует коза; говорят, они и чего похуже жрут. Но козы шляпу игнорировали, и Губастик всегда выходил и подбирал ее, когда вспоминал, что ему требуется пепельница.

– Позор! – повторил Ксавье чуть более веселым тоном.

Губастик оставался невозмутим.

– Что с ней не так-то? – спросил он. – Сделана в Филадельфии. Там внутри написано.

Так оно и было, но впервые на это указал Огастес, а не Губастик. Губастику в жизни не прочесть такого длинного слова – Филадельфия, к тому же он слабо представлял себе, где такой город находится. Он лишь знал, что это, видать, спокойное и культурное место, раз у них есть время делать шляпы, вместо того чтобы сражаться с команчами.

– Ксавье, я предлагаю тебе сделку, – сказал Огастес. – Ты одалживаешь Пому два доллара, чтобы мы могли сыграть, а я цепляю эту шляпу на буксир и волоку ее своим свиньям. Это единственный способ от нее избавиться.

– Если он ее снова наденет, я ее сожгу, – пообещал все еще сердитый Ксавье. – И все это заведение заодно. Куда вы тогда пойдете?

– Сожжешь эту пианину, так лучше заранее найди мула попроворнее, – сказал Губастик, подергивая нижней губой. – Церковникам это не понравится.

Пому надоел этот разговор. Он доставил небольшое стадо лошадей в Матаморос и проскакал почти сто миль вверх по реке, мечтая о Лори. Это могло бы показаться странным, потому что одна мысль о ней пугала его, но он продолжал скакать и вот сидит здесь. Обычно он обходился мексиканскими шлюхами, но маленькие темнокожие женщины ему надоели и хотелось разнообразия. Лорена была настолько другой, что при одной мысли о ней ком застревал в горле и ковбой лишался дара речи. Он уже был с ней четыре раза и хорошо помнил, какая она белая: как лунный свет, и кое-где тени, как ночью. Правда, не совсем как ночью, сквозь ночь он мог ехать спокойно, а с Лореной никакого спокойствия. Она пользовалась дешевой пудрой – напоминание о ее жизни в городе, и этот запах преследовал его неделями. Он не любил просто платить ей – ему казалось, что было бы неплохо привезти ей какой-нибудь подарочек из Абилина или Доджа. Он часто проделывал это с сеньоритами, они всегда ждали подарков, и Пом старался их не разочаровывать. Каждый раз возвращался из Доджа с лентами и гребнями.

Но почему-то у него не хватало храбрости хотя бы предложить что-то Лорене. Даже с чисто деловым предложением обращаться к ней было затруднительно. Часто казалось, что она и не слышит вопросов. Сложно внушить девушке, что у тебя к ней особые чувства, когда она на тебя не смотрит и не слышит, а у тебя в горле затык. Еще труднее было смириться с мыслью, что девушка не хочет особого к ней отношения, раз ты все равно в перегонах и не видишь ее месяцами.

И без того в смятенных чувствах, Пом еще пуще страдал, потому что не мог позволить себе даже то, что она готова была ему дать. У него не осталось ни цента после того, как он проиграл месячный заработок в Матаморосе. Ни денег, ни красноречия, чтобы уговорить Лорену поверить ему в долг, у него не было, зато хватало упрямства сидеть всю ночь в салуне, надеясь, что его явное желание ее тронет.

В такой ситуации явление Огастеса сделало Пому больно. Ему уже начало казаться, что Лори становится дружелюбнее, и, если бы ее ничто не отвлекало, он мог бы добиться своего. По крайней мере, они сидели за столом вдвоем, что само по себе было приятно. Но сейчас к ним присоединились Огастес и Губастик, и умолять ее стало труднее, если вообще возможно, – хотя, по сути, единственное, что он делал, так это время от времени взглядывал на нее большими умоляющими глазами. Губастик стал ныть из-за котелка, выброшенного Ксавье за дверь. Упоминание свиней придавало делу еще более угрожающий оттенок. Ведь и вправду эти грязные животные могли сожрать шляпу, одну из немногих радостей его унылого существования. Губастик хотел пойти и забрать свой головной убор, пока до него не добрались свиньи, но знал, что не стоит без крайней нужды провоцировать Ксавье, когда тот в дурном настроении. Разглядеть что-нибудь через заднюю дверь Губастику мешала барная стойка, так что, вполне вероятно, котелка уже нет.

– Хотел бы я вернуться в Сент-Луис, – сказал он. – Я слышал, сейчас это вполне приличный город. – Губастик там вырос, так что, когда на сердце становилось тяжело, он в мыслях возвращался туда.

– Так хрена ли, поезжай! – сказал Огастес. – Жизнь – короткая штука. Чего торчать здесь?

– Ты же торчишь, – вмешался Пом, надеясь, что Огастес поймет намек и отвалит немедленно.

– Пом, у тебя такой вид, будто живот болит, – сказал Огастес. – Что тебе нужно, так это хорошая партия в покер.

– Ничего подобного, – сказал Пом, бросая откровенно умоляющий взгляд на Лорену.

Смотреть на нее – как смотреть на горы. Горы всегда там, где они есть. Можно дойти до них, если есть силы и средства, но «здрасьте» не дождешься.

Ксавье стоял в дверях, уставившись в темноту. С тряпки, которой он вытирал столы, грязная вода капала прямо на его штанину, но он ничего не замечал.

– Жаль, что в городе никто не двинул кони, – сказал Огастес. – Ваша компания отлично смотрелась бы на поминках. А как ты, Ванз? Давай сыграем.

Ксавье снизошел. Лучше, чем ничего. К тому же он чертовски искусен в картах, один из немногих, кто мог выступить достойным противником Огастесу. Лорена играла довольно прилично, об этом позаботился Тинкерсли. Когда в салуне было полно ковбоев, ей не разрешалось садиться за стол, но, когда вся клиентура состояла из Огастеса, она частенько присоединялась к игре.

В игре она менялась, особенно если немного выигрывала, а Огастес всегда старался дать ей немного выиграть, просто чтобы увидеть, как она оживает. Ненадолго в ней снова появлялся ребенок – она не начинала болтать, но иногда громко смеялась, туман в глазах рассеивался, и взгляд оживлялся. Пару раз, когда сняла банк, она даже шутливо толкнула Огастеса кулачком в бок. Он порадовался за нее, приятно видеть, что девушка получает удовольствие. Он тогда вспомнил, как весело они с сестрами играли дома, в Теннесси. От этих воспоминаний он напивался сильнее, чем обычно, и все потому, что Лори переставала сидеть с надутыми губами и напоминала ему счастливых девушек, которых он когда-то знал.

Они играли, пока луна конокрада не перевалила на другую половину городка. Лорена так оживилась, что Пом Боггет влюбился в нее сильнее прежнего. Она наполнила его таким томлением, что он даже не сказал, как проиграл Ксавье половину своего заработка за следующий месяц. Он все еще томился, но в конце концов решил, что надежды нет, и вышел в лунный свет, чтобы отвязать лошадь. Огастес вышел вместе с ним, а Губастик выскользнул в заднюю дверь в поисках шляпы. Пока они стояли, в комнате Лорены зажегся свет, и Пом увидел ее тень на занавеске, когда она прошла мимо лампы.

– Итак, Пом, ты нас покидаешь, – сказал Огастес. – Кому же на этот раз повезло тебя застолбить?

Промелькнувшая Лорена привела Пома в такое смятение, что он с трудом сосредоточился на вопросе.

– Кажись, на этот раз поеду с ребятами из Сан-Антонио, – сказал он, не сводя глаз с окна. От Огастеса не ускользнула причина его печали.

– Да ведь это шайка Пирса Шанхая, – сказал он.

– Угу, – подтвердил Пом, задирая ногу к стремени.

– Постой-ка минутку, Пом, – сказал Огастес. Он выудил из кармана два доллара и протянул изумленному ковбою. – Если поедешь на север со старым Шанхаем, мы с тобой можем уже никогда не встретиться по эту сторону границы, – сказал Огастес намеренно грустным тоном. – В лучшем случае ты потеряешь слух. От его голоса камни глохнут.

Боггетт с трудом сдержал улыбку. Похоже, Гас и не подозревал, что в Техасе непрерывно спорили, чей голос оглушительнее, его или Шанхая Пирса. И все сходились во мнении, что эти двое не имели себе равных в искусстве оглушения.

– Почему ты даешь мне деньги? – спросил он. Он никогда не мог понять Гаса.

– Ты ведь просил, верно? – удивился Огастес. – Дай я тебе их раньше, до игры, так это было бы все равно что прямо отдать их Ванзу, а ему мои два доллара без надобности.

Они помолчали, пока Пом пытался понять настоящую причину, если таковая имелась.

– Не хочу, чтобы думали, будто я отказался дать в долг приятелю, – продолжал Огастес. – Особенно такому, который отправляется вместе с Шанхаем Пирсом.

– Да нет, мистер Пирс с нами не едет, – сказал Пом. – Он сначала в Новый Орлеан, а оттуда на поезде.

Огастес промолчал, и Пом пришел к выводу, что он получит деньги вне зависимости от того, поедет вместе с мистером Пирсом или отдельно.

– Ну, тогда премного благодарен, – сказал он. – Встретимся осенью или еще раньше.

– Тебе необязательно выезжать в ночи, – сказал Огастес. – Хочешь, переночуй у нас на веранде.

– Вполне возможно, что я так и сделаю, – сказал Пом.

Чувствуя некоторую неловкость, он снова привязал лошадь и пошел к двери «Сухого боба», надеясь подняться наверх, пока Лорена не погасила свет.

– Я там забыл кой-чего, – неуклюже пробормотал он у двери.

– Ну, я не буду тебя ждать, – сказал Огастес. – Но если останешься, ждем тебя на завтрак.

Уходя, он слышал, как мальчишка грохает сапогами по лестнице. Пом – хороший парень, почти такой же зеленый, как и Ньют, но куда более опытный работник. Стоит помогать таким парням получить свою долю удовольствий, пока жизнь со своими тяготами не взяла их в оборот.

Стоя на темной улице, он видел две тени в желтом квадрате окна Лорены. Она ничего не имела против Пома, казалось Огастесу, а после карт настроение у нее поднялось. Может, Лори даже получит удовольствие с этим парнем. Он знал, что иногда женщины легкого поведения выходили замуж, и вполне удачно. Если такая мысль придет в голову Лорене, Пом Боггет не самый плохой кандидат.

Свет у Памфри погас, и броненосец больше не болтался под ногами. Свиньи растянулись на веранде, лежа почти рыло к рылу. Огастес уж было собрался дать им пинка, чтобы освободить место для более или менее вероятного гостя, но они выглядели так мирно, что он отказался от этой мысли и вошел в дом через заднюю дверь. Если Пом Боггетт со своими желтыми, как собачья шерсть, усами сочтет для себя зазорным спать рядом со свиньями, вполне может прогнать их сам.

5

С какой бы мыслью Огастес ни ложился спать, она была тут, когда он просыпался. Он так мало спал, что мысль не успевала выскользнуть из головы. В лучшем случае он спал пять часов подряд, но чаще четыре.

– Тот, кто спит целую ночь, слишком много теряет в жизни, – повторял он. – Я так понимаю, дни существуют, чтобы смотреть вокруг, а ночи – чтобы развлекаться.

Поскольку именно развлечения были у него на уме, когда он пришел домой, о них же он думал в четыре утра, когда поднялся, чтобы заняться завтраком – слишком важным, по его мнению, делом, чтобы доверить его мексиканскому бандиту. Центральной частью его завтрака всегда были лепешки из опары, которые он собственноручно пек на жаровне во дворе. Закваска для теста жизнерадостно поднималась в горшке вот уже десять лет, так что, встав, он первым делом проверял тесто. Остальную часть завтрака он считал вторичной: отрезать несколько ломтей бекона и поджарить их на сковородке вместе с яйцами. Боливару обычно доверялся кофе. Огастес пек свои лепешки во дворе по трем причинам. Во-первых, дом и так перегревался днем, так что не было смысла разводить огня больше, чем требовалось для бекона и яиц. Во-вторых, лепешки, выпеченные в жаровне, вкуснее, чем приготовленные на плите, и, в-третьих, ему нравилось быть во дворе, когда рассветало. Человек, который готовит на плите в доме, пропустит восход солнца, а если он пропустит восход в Одиноком Голубе, ему придется целый жаркий и пыльный день дожидаться подобной красоты. Огастес слепил лепешки и развел огонь под жаровней, пока еще было темно, – хватило огня, чтобы запалить мескитовые угли. Когда он решил, что жаровня готова, он вынес во двор лепешки и Библию. Поместив лепешки в жаровню, он уселся на большой черный котел, в котором они иногда топили сало. Котел вполне вместил бы в себя теленка, если бы кому-нибудь вздумалось того сварить, но последние несколько лет он стоял перевернутым и служил идеальным сиденьем.

Небо на востоке покраснело, как угли в горне, осветив равнину вдоль реки. Роса смочила миллионы иголок чапараля, и, когда полукруг солнца всплыл над горизонтом, на иголках будто засверкали плотной россыпью бриллианты. На кусте в глубине двора, когда солнце коснулось росы, распустились крошечные радуги. Просто поразительно, как восход делает прекрасными даже заросли чапараля, думал Огастес, счастливо наблюдая за рассветом и зная, что продлится он всего несколько минут. Солнце окрасило багрянцем сверкающие кусты, среди которых бродили и блеяли козы. Даже когда оно поднялось над обрывом, полоска света еще держалась на уровне чапараля, как будто жила своей собственной жизнью, отдельно от источника. Затем солнце оторвалось от горизонта и стало похоже на огромную монету. Роса быстро высохла, свет, наполнявший кусты подобно розовой пыли, исчез, и остался лишь прозрачный, голубоватый воздух.

Было уже достаточно светло для чтения, так что Огастес на некоторое время обратился к пророкам. Он не был слишком религиозен, но считал самого себя неплохим пророком и любил изучать стиль предшественников. На его взгляд, уж больно они были велеречивы, так что он не пытался читать все подряд, стих за стихом, просто, пока пеклись лепешки, выхватывал строку то здесь, то там.

Пока он наслаждался книгой пророка Амоса, из-за угла дома появились свиньи, и почти в тот же момент Колл вышел из задней двери, натягивая на ходу рубашку. Свиньи подошли и остановились прямо напротив Огастеса. На их щетине сверкала роса.

– Они знают, что у меня доброе сердце, – сказал он Коллу. – Думают, я скормлю им Библию. Надеюсь, вы не разбудите Пома, – добавил Огастес, обращаясь к свиньям, потому что лично убедился, как парень удобно пристроил голову на седле и крепко спал, надвинув на лицо шляпу, только огромные усы торчали наружу.

Колл всегда жалел, что не умел легко просыпаться. Его суставы, казалось, слиплись от клея, и его раздражал свежий вид Огастеса, сидящего на черном котле с таким видом, будто он проспал всю ночь, а не играл в покер до двух утра. Вставать рано и с удовольствием – эту науку Колл никак не мог освоить. Конечно, он вставал, но считал это противоестественным. Огастес отложил Библию и подошел, чтобы взглянуть на рану Колла.

– Надо будет приложить еще дегтя, – сказал он. – Паршивый укус.

– Занимайся лучше своими лепешками, – сказал Колл. – А что тут делает Пом Боггетт?

– Я его делами не интересовался, – сказал Огастес. – А вот ты когда помрешь от гангрены, то пожалеешь, что не дал мне обработать рану.

– Никакая это не рана, просто укус, – сказал Колл. – Меня в Сальтильо однажды клопы сильнее искусали. Ты, похоже, всю ночь Библию читал.

– Вот еще, – сказал Огастес. – Я читаю только утром и вечером, когда мне все напоминает о славе Господней. Остальное время все напоминает о том, в какую вонючую дыру мы вляпались. Здесь трудно развлечься, но я стараюсь.

Он встал и положил руку на крышку жаровни. Ему показалось, что лепешки должны быть готовы, и он их вытащил. Тесто хорошо поднялось и аппетитно зарумянилось. Он быстро понес лепешки в дом, а Колл пошел за ним следом. Ньют уже сидел за столом, совершенно прямо, нож – в одной руке, вилка – в другой, и крепко спал.

– Мы сюда приехали заработать, – сказал Колл. – Насчет удовольствий уговора не было.

– Колл, а ведь ты даже деньги не любишь, – сказал Огастес. – Готов плюнуть в глаза любому встречному богачу. К деньгам ты относишься еще хуже, чем к развлечениям, если это вообще возможно.

Колл вздохнул и уселся за стол. Боливар возился около плиты, причем так трясся, что рассыпал кофейные зерна.

– Проснись, Ньют, – сказал Огастес. – Не то упадешь и выколешь глаз своею же вилкой.

Колл потряс парнишку за плечо, и тот открыл глаза.

– А мне сон снился, – сообщил Ньют совсем по-детски.

– Не повезло тебе тогда, сынок, – сказал Огастес. – Здесь утром настоящий кошмар. Ты только посмотри, что он вытворяет!

Пытаясь сварить кофе, Боливар высыпал часть зерен в жир, где жарились бекон и яйца. Он сам считал это пустяком, но Огастес, желающий получить нормальный завтрак хоть раз в неделю, взбесился.

– Полагаю, кофе не станет хуже, если по вкусу он не будет как яйца, – сердито сказал он. – А то обычно у тебя яйца со вкусом кофе.

– Мне плевать, – сказал Боливар. – Я заболел.

Тут, шатаясь, ввалился Гороховый Глаз, на ходу пытаясь достать из штанов свой писун, пока мочевой пузырь не лопнул. Такое случалось нередко. На штанах у него имелось штук пятнадцать маленьких пуговок, которые он, вставая, тщательно застегивал, прежде чем успевал сообразить, что сначала нужно пописать. Тогда он галопом летел через кухню, расстегивая пуговицы. Гонка всегда была напряженной, но, как правило, Глаз достигал нижней ступеньки, прежде чем извергался поток. Там он и стоял обычно минут пять, орошая двор. Слушая с одной стороны шипение жира на сковородке, а с другой – шум водопада Горохового Глаза, Огастес понял, что мир и покой утра нарушены безвозвратно.

– Если бы к нам сейчас заглянула женщина, она бы завопила и выколола себе глаза, – сказал Огастес.

В этот момент кто-то действительно вошел, но всего лишь Пом Боггетт, который всегда живо реагировал на запах поджаренного бекона.

Его появление стало сюрпризом для Ньюта, который немедленно проснулся и попытался пригладить лохмы. Пом был одним из его героев, настоящий ковбой, не раз перегонявший

скот до самого Додж-Сити. А Ньют только и мечтал о том, чтобы выйти со стадом на перегон. Появление Пома вселило в него надежду, все же тот был не так недосягаем, как капитан. Ньют даже и не мечтал когда-нибудь стать похожим на капитана, но вот Пом не слишком отличался от него самого. Пома считали прекрасным работником, так что Ньют при случае всегда крутился рядом. Он был не прочь поучиться.

– Утро доброе, Пом, – сказал он.

– Эй, привет всем, – отозвался Пом, вышел на крыльцо и, встав рядом с Глазом, занялся тем же делом.

Ньюту нравилось, что Боггетт не обращается с ним как с мальчишкой. Если повезет, может, когда-нибудь он будет ковбоем вместе с Помом. Что может быть лучше? Огастес зажарил яйца до хруста, чтобы не чувствовался кофе, жир слил в большую бутыль из-под сиропа, где он и хранился.

– Дурная манера – ссать рядом с людьми за столом, – обратился он к паре у веранды. – Вы оба – взрослые люди. Что сказали бы ваши матери?

Пом слегка устыдился, а Гороховый Глаз пришел в недоумение. Его мать отдала Богу душу далеко в Джорджии, когда ему было всего шесть лет. Ей не хватило времени как следует воспитать сына, так что он представления не имел, что бы она сказала по поводу такого поведения. Однако твердо был уверен, что ей бы не понравилось, если бы он намочил штаны.

– Я торопился, – сказал он.

– Салют, капитан, – сказал Пом.

Колл кивнул. По утрам у него было небольшое преимущество перед Огастесом, потому что Огастесу приходилось готовить. Пока Гас возился у плиты, он наложил себе бекона и яиц, а пища всегда оживляла его настолько, что он уже мог прикинуть, что именно предстоит сделать за день. «Компания Шляпного ручья» была маленькой, арендованной земли едва хватало для выпаса небольшого количества скота и лошадей, пока для них не нашелся покупатель. Колл не уставал поражаться, что такое незначительное дело занимает троих взрослых и мальчишку от зари до зари, день за днем, но так оно и было. Конюшня и загоны были в таком плачевном состоянии, когда они с Огастесом их купили, что их приходилось постоянно латать, дабы не развалились вовсе. Никаких важных дел в Одиноком Голубе не было, но это не означало отсутствия множества мелких, требующих рабочих рук. К примеру, они уже шесть дней копали колодец, а конца еще не видать.

Когда Колл накладывал на тарелку бекон с яйцами, у него в голове роилось столько всяческих дел, что он не сразу отреагировал на приветствие Боггета.

– А, привет, Пом, – сказал он. – Бери бекон.

– Пом собирается сбрить усы сразу после завтрака, – объявил Огастес. – Он устал жить без женщин.

На самом деле благодаря Гасовым двум долларам Пом сумел уговорить Лорену. Он проснулся на веранде со свежей головой, но, когда Огастес упомянул женщин, неожиданно все вспомнил и сразу ослаб от любви. Он хотел есть, когда садился за стол, у него слюнки текли при виде бекона и яиц, но от воспоминания о белом теле Лорены, вернее, той его части, которую разглядел, когда она задрала рубашку, у него закружилась голова. Он продолжал есть, но уже не чувствовал вкуса.

Хряк подошел к двери и, к удовольствию Огастеса, принялся разглядывать людей.

– Вы только посмотрите! – сказал Гас. – Свинья, наблюдающая за компанией свиней в людском обличье. – Хотя у сковородки он был в невыгодной позиции, свою порцию лепешек он успел застолбить и полдюжины уже умял с медом.

– Кинь-ка хрюшке яичную скорлупу, – велел он Боливару. – Она с голоду помирает.

– А мне плевать, – сказал Боливар, слизывая с большой ложки сахар цвета кофе. – Я заболел..

– Ты повторяешься, Бол, – сказал Огастес. – Если вздумал сегодня помереть, надеюсь, ты сначала выроешь себе могилу.

Боливар обиженно глянул на него. Столько разговоров по утрам добавили головную боль к его трясучке.

– Уж если стану рыть могилу, то тебе, – просто сказал он.

– Собираешься в дорогу, Пом? – спросил Ньют, пытаясь вернуть разговор в более веселое русло.

– Надеюсь, – сказал Пом.

– Эти яйца только пила возьмет, – сказал Колл. – Мне кирпичи попадались помягче.

– Ясное дело, Бол просыпал туда кофе, – сказал Огастес. – Наверное, жесткий сорт.

Колл доел свою каменную яичницу и оглядел Пома. Худой, подвижный, прекрасный наездник. Таких бы еще пяток, и уж они бы насобирали стадо и перегнали на север. Он подумывал об этом вот уже больше года. Он даже говорил об этом Гасу, но тот лишь расхохотался.

– Мы слишком старые, Колл, – сказал он. – Ты уже забыл все, что нужно знать.

– Ты, может, и позабыл, – сказал Колл. – Я – нет.

Приход Пома вернул его к этой мысли. Ему вовсе не хотелось провести остаток жизни, копая колодец или ремонтируя сарай. Если удастся собрать приличное стадо и удачно его продать, у них будет достаточно денег, чтобы купить землю севернее этого Богом забытого края.

– Ты с кем-нибудь уже законтрактовался? – спросил он Пома.

– Да нет, еще ничего не подписывал, – сказал Пом. – Но я уже однажды работал там, так я думаю, мистер Пирс снова меня наймет, а если не он, так кто-нибудь еще.

– Мы можем предложить тебе работу прямо здесь, – сказал Колл.

Огастес навострил уши.

– Предложить делать что? – спросил он. – Пом – классный работник. Он на своих двоих пахать не привык, верно, Пом?

– Не, не привык, это точно, – закивал Пом, глядя на капитана, но видя Лорену. – То есть пытался, но вышло плохо. Вы про что?

– Ну, мы сегодня отправляемся в Мексику, – сказал Колл. – Посмотрим, чем там сможем разжиться. Может, нам и самим удастся сбить стадо, если ты подождешь пару деньков, пока мы организуем.

– Ты совсем рехнулся от укуса той кобылы, – сказал Огастес. – Соберем стадо и что будем с ним делать?

– Погоним, – сказал Колл.

– Что же, мы можем перегнать его до Поляны Пиклса, – продолжал Огастес. – Но этой работы недостаточно для такого парня, как Пом, на все лето.

Колл встал и отнес грязную посуду в мойку. Боливар лениво поднялся со стула и взялся за ведро с водой.

– Хоть бы Дитц вернулся, – сказал он.

Чернокожий Дитц был с Коллом и Огастесом почти столько же, сколько и Гороховый Глаз. Три дня назад его послали в Сан-Антонио положить деньги в банк. Колл всегда использовал эту тактику, рассчитывая, что мало кто из бандитов заподозрит наличие денег у чернокожего. Боливар скучал по нему, потому что одной из обязанностей Дитца было носить воду.

– Он сегодня утром вернется, – сказал Колл. – По Дитцу можно часы сверять.

– Сверяй свои, – сказал Огастес. – А я не буду. Старина Дитц всего лишь человек. Если ему попадется на пути смуглолицая леди, тебе придется сверить часы два-три раза, прежде чем он объявится. Он такой же, как я. Знает, что есть вещи поважнее работы.

Боливар с раздражением посмотрел на ведро.

– Вот бы настрелять в этом чертовом ведре дыр, – сказал он.

– Не думаю, что ты попадешь в ведро, даже если будешь на нем сидеть, – сказал Огастес. – Я видел, как ты стреляешь. Ты не самый плохой стрелок из всех, кого я знал, Джек Дженнелл еще хуже, но ты наступаешь ему на пятки. Став охотником на бизонов, Джек разорился так быстро, что никто и охнуть не успел. Он бы не попал в бизона, даже если бы тот его проглотил.

Боливар взял ведро и вышел за дверь с видом человека, который вернется не очень скоро.

Тем временем Пом усиленно размышлял. Он собирался уехать сразу после завтрака и вернуться в Матагорду, где наверняка получил бы работу. «Компания Шляпного ручья» не занималась перегоном больших стад, но, с другой стороны, капитан Колл слов на ветер не бросал. Если он рассчитывал собрать стадо, значит так оно и будет. А тем временем здесь была Лорена, которая вполне может отнестись к нему иначе, если он проведет с ней несколько дней подряд. Это, конечно, стоит недешево, а у него нет ни цента, но, если узнают, что он работает на «Компанию Шляпного ручья», он может рассчитывать на небольшой кредит.

Пом очень гордился своим умением управлять повозкой. Ему пришло в голову, что, раз уж Лорена большую часть времени проводит взаперти в салуне, ей, возможно, придется по душе поездка вдоль реки в хорошей повозке, если таковая отыщется в Одиноком Голубе. Он встал и отнес свою тарелку в мойку.

– Капитан, если вы серьезно, то я с удовольствием останусь на пару дней, – сказал он.

Капитан вышел на заднее крыльцо и смотрел на север, вдоль почтовой дороги, которая петляла между кустарниками и исчезала в направлении Сан-Антонио. Дорога какое-то расстояние шла прямо, а потом ныряла в первую впадину, и взгляд капитана был прикован к этому месту. Он, казалось, не расслышал слов Пома, хотя тот стоял почти рядом. Пом тоже вышел на крыльцо, посмотреть, что отвлекло Колла. Вдалеке на дороге он увидел всадников, но слишком далеко, чтобы распознать, кто именно едет. От дороги поднимались волны горячего воздуха, и порой казалось, что едут не два всадника, а один. Колл прищурился, но так и не разобрал, кто это. Он смотрел пристально, не отрывая взгляда.

– Гас, пойди-ка сюда, – позвал он.

Огастес подбирал со своей тарелки остатки меда при помощи еще нескольких лепешек.

– Я ем, – сказал он, что и так было очевидно.

– Иди посмотри, кто едет, – сказал Колл довольно мягко, с точки зрения Пома.

– Если это Дитц, я свои часы уже сверил, – сказал Огастес. – К тому же уверен, что он не переоделся, а если я увижу, как торчат его черные колени из той старой тряпки, которую он называет штанами, это может повредить моему пищеварению.

– Как раз Дитц и едет, – сказал Колл. – Но только он не один.

– Что же, парень всегда хотел жениться, – сказал Огастес. – Наверно, встретил ту смуглолицую даму, о которой я упоминал.

– Никакой дамы он не встретил, – несколько раздраженно сказал Колл. – А встретил он нашего старого приятеля. Если не выйдешь и не взглянешь, я тебя силой вытащу.

Огастес все равно уже разделался с лепешками. Он пальцем подобрал последние капли меда, который не стал менее сладким оттого, что он слизнул его с руки, а не съел вместе с лепешкой.

– Ньют, а ты знаешь, что мед – самая чистая еда в мире? – спросил он, вставая.

Ньюту пришлось выслушать уже достаточно назиданий на эту тему, чтобы перезабыть больше, чем нормальные люди вообще знали о меде. Он быстро сунул тарелку в мойку, желая узнать, кого же встретил Дитц.

– Да, сэр, я тоже люблю мед, – согласился он, чтобы скорее закрыть эту тему.

Огастес пошел следом, лениво облизывая палец. Он взглянул на дорогу, чтобы понять, с чего это Колл так разволновался. Приближались два всадника. Тот, что слева, определенно был Дитц, на большом белом жеребце, которого они звали Вилы. Второй всадник сидел на гнедой лошади. Мгновение – и Гас узнал его. Всадник скакал, чуть покосившись в седле, а так

ездил только один человек. Огастес так удивился, что от волнения провел липкими пальцами по волосам.

– Господь бы меня побрал, Вудро, – сказал он. – Это ведь Джейк Спун.

6

Имя Ньют ощутил как удар, так много оно для него значило. Когда он был маленьким, а его мать еще была жива, человек по имени Джейк Спун чаще других навещал ее. Сейчас Ньют, перебирая в памяти события минувших лет, понимал, что его мать была шлюхой, как Лорена, но это понимание ничего не порочило, и меньше всего Джейка Спуна. Никто не был так добр ни к нему, ни к его матери – ее звали Мэгги. Джейк дарил ему леденцы и мелочь, первым посадил его на спокойную лошадь и дал покататься; он даже заказал у старика Джизуса, сапожника, первую пару обуви для мальчика. А однажды Джейк выиграл в карты женское седло, подарил его Ньюту и укоротил стремена ему по росту.

В то время в Одиноком Голубе еще не было порядка, а капитан Колл и Огастес еще были рейнджерами и по службе патрулировали границу. Джейк Спун тоже был рейнджером, притом, на взгляд Ньюта, самым блестящим. Он всегда носил украшенный перламутром револьвер и ездил преимущественно на иноходцах – легче для посадки, так он утверждал. К опасности, связанной с его профессией, он относился легко.

Но потом война на границе постепенно закончилась, и капитан, мистер Гас, Дитц, Джейк и Гороховый Глаз перестали быть рейнджерами и создали компанию. Но оседлая жизнь не устраивала Джейка, и в один прекрасный день он исчез. Никто не удивился, вот только мать Ньюта настолько расстроилась, что порола его каждый раз, когда он спрашивал, скоро ли вернется Джейк. Порка вряд ли была вызвана проступками Ньюта, просто мать расстраивалась, что Джейк уехал.

Ньют перестал спрашивать о Джейке, но не забыл его. Не прошло и года, как его мать умерла от лихорадки. Капитан и Огастес приютили его, хотя вначале долго спорили по этому поводу. Первое время Ньют так тосковал по матери, что не обращал внимания на споры. Главным было то, что и мать, и Джейк оба ушли и никакие споры их не вернут.

Но когда первая боль прошла и он начал отрабатывать свое содержание, выполняя поручения капитана, то часто вспоминал те дни, когда Джейк приходил к его матери. Ему даже казалось, что Джейк мог быть его отцом, хотя все говорили ему, что его зовут Ньют Доббс, а не Ньют Спун. Он недоумевал, почему именно Доббс и почему все так уверены, поскольку в Одиноком Голубе никто никогда не слышал о мистере Доббсе. Ньюту не пришло в голову спросить об этом мать, когда она была еще жива, – фамилии здесь редко употреблялись, и он к тому же не знал, что фамилия у ребенка обычно от отца. Даже мистер Гас, который мог говорить о чем угодно, ничего не знал о мистере Доббсе.

– Он отправился на Запад в неудачное время, – вот и все, что Гас сказал на его счет.

Ньют никогда не просил капитана рассказать подробности. Капитан обычно сам решал, что кому следует знать. В глубине души, однако, Ньют не верил в мистера Доббса. От матери ему осталось не много вещей: всякие бусы, гребенки, маленькая записная книжка и вырезки из журналов, которые мистер Гас по доброте своей сохранил для него, но там ничего не было о мистере Доббсе, ни в записной книжке, ни среди вырезок, хотя там хранилась поцарапанная фотография его дедушки, отца Мэгги, который жил в штате Алабама.

Если, как он подозревал, никакого мистера Доббса не было в природе или джентльмен с таким именем просто останавливался в пансионате, где они жили с Мэгги, на день-другой, тогда вполне могло быть, что Джейк Спун – его отец. Возможно, никто Ньюту об этом не говорил, предпочитая, чтобы это сделал сам Джейк, когда вернется.

Ньют всегда считал, что Джейк обязательно вернется. Некоторые известия о нем доходили в Одинокий Голубь коровьими тропами – что он работает полицейским в Огаллале, или ищет золото в Черных горах. Ньют понятия не имел, где эти Черные горы и как ищут в них золото, но одной из причин, почему он так рвался гнать стадо коров на север, была надежда

встретить в пути Джейка. Конечно, ему хотелось носить револьвер, стать главным помощником и пережить все приключения – встретить, например, бизона, хотя он знал, что их почти уже не осталось. Но подспудно все эти стремления скрывали застарелое, потаенное желание, месяцы и годы свербящее, как зубная боль, – увидеть Джейка Спуна.

Теперь этот самый человек приближался к ним, ехал рядом с Дитцем на таком же красивом иноходце, на каком он скакал десять лет назад. Ньют начисто забыл о Поме Боггетте, за каждым движением которого он собирался следить, чтобы учиться. Всадники еще не подъехали, а Ньют уже видел белозубую улыбку на черном лице Дитца, потому что его послали с обычным заданием, а он вернулся, сделав гораздо больше. Дитц не гнал лошадь и вообще не делал никаких глупостей, но издалека было видно, что он счастлив.

Из-под копыт лошадей взлетали облачка пыли. Всадники уже въехали во двор. Джейк носил коричневый жилет и коричневую шляпу, и все тот же револьвер с перламутром. Дитц все еще лыбился. Они подъехали прямо к заднему крыльцу, прежде чем натянуть поводья. Сразу было видно, что Джейк проделал длинный путь, иноходец был – одни кости.

У Джека были глаза цвета кофе и маленькие усики. Он огляделся, а потом расплылся в улыбке.

– Салют, парни, – сказал он. – Что на завтрак?

– А что, лепешки и бекон, Джейк, – сказал Огастес. – Как обычно. Только – примерно через сутки. Надеюсь, у тебя с собой бизонья печень или кусок мяса, чтобы перебиться.

– Гас, ты только меня не пугай. – Джейк соскочил с иноходца. – Мы всю ночь ехали, и Дитц только и говорил, какие вкусные ты печешь лепешки.

– Пока вы говорили, Гас их ел, – вмешался Колл.

Они с Джейком пожали руки и оглядели друг друга. Джейк обернулся к Дитцу.

– Говорил тебе, надо было послать телеграмму из Поляны Пиклса, – сказал он. Потом повернулся и с улыбкой пожал руку Огастесу. – Ты всегда был обжорой, Гас, – добавил он.

– А ты всегда опаздывал к столу, – сказал Гас.

Затем пришлось пожимать руку Гороховому Глазу, хотя Джейк всегда относился к нему без особой приязни.

– Черт, Джейк, ну и долго же ты пропадал, – сказал Гороховый Глаз.

Пока они трясли друг другу руки, Джейк заметил мальчика, стоящего рядом с высоким ковбоем с огромными усами.

– Бог ты мой, – промолвил он. – Ты ведь маленький Ньют? Надо же, как вымахал! Кто такое допустил?

Ньюта так переполняли чувства, что он с трудом выговорил:

– Это я, Джейк. Я все еще здесь.

– Ну что, капитан? – спросил Дитц, передавая Коллу банковскую квитанцию. – Верно ведь, что я нашел блудного сына?

– Нашел, нашел, – сказал Колл. – И готов поспорить, что не в церкви.

Дитц расхохотался.

– Нет, сэр, – согласился он. – Не в церкви.

Джейка представили Пому Боггетту, но, пожав ему руку, он снова повернулся к Ньюту, как будто тот удивил его больше всего в Одиноком Голубе.

– Готов поклясться, Джейк, – сказал Огастес, разглядывая гнедого иноходца, – ты заездил эту лошадь до костей.

– Покорми его хорошенько, Дитц, – велел Колл. – Судя по виду, ему давно не перепадало.

Дитц повел лошадей к непокрытому сараю. Действительно, штаны его были сшиты из старого стеганого одеяла – но как так вышло, никто сказать не мог. Хоть и цветастые, они вряд ли подходили для путешествий через заросли мескита и чапараля. Во разных местах колючки наделали дыр и вата кусками лезла наружу. В качестве головного убора Дитц носил где-то

подобранную старую кавалерийскую фуражку. Она была почти в таком же скверном состоянии, что и шляпа Губастика.

– Он вроде бы носил эту фуражку, когда я уехал? – спросил Джейк.

Он снял собственную шляпу и стряхнул с нее пыль о штанину. И на его макушке среди черных вьющихся волос Ньют с удивлением заметил солидную лысину.

– Он ее нашел в пятидесятые, насколько я помню, – сказал Огастес. – Дитц ведь, как я, он не бросает предмет туалета из-за его возраста. Мы же не все такие щеголи, как ты, Джейк.

Джейк перевел свои карие глаза на Огастеса и лениво улыбнулся.

– Как бы так сделать, чтобы ты еще напек лепешек? – спросил он. – Я от самого Арканзаса ни разу не пробовал хорошего хлеба.

– Если судить по этому пони, ты торопился, – сказал Колл, и эти слова выказывали максимум любопытства, на которое он способен.

Он знал Джейка в разные времена на протяжении двадцати лет и хорошо к нему относился. Но где-то в глубине Джейк всегда вызывал у него беспокойство. На Западе не было более приятного человека и лучшего всадника, но умение ездить верхом и нравиться – это еще не все. Что-то в Джейке смущало Колла. Что-то непоследовательное, непредсказуемое. Он мог быть с тобой плечом к плечу в одной схватке, а в другой – практически бесполезным. Огастес тоже это знал. Он всегда поддерживал Джейка и всегда его любил, хотя когда-то они соперничали за внимание Клары Аллен, которая обоим указала на дверь. Но Огастес чувствовал, что Джейку не хватает сердцевины. Когда тот ушел из рейнджеров, Огастес не раз повторял, что рано или поздно его вздернут. Пока этого не случилось, но то, что он приехал к завтраку на загнанной лошади, предвещало беду. Джейк гордился красивыми лошадьми и никогда не стал бы доводить коня до такого состояния, если бы за ним по пятам не шла беда.

Джейк увидел Боливара, идущего от древней цистерны с ведром воды. Боливар был человек новый, и его не интересовало возвращение Джейка. Прохладная вода переливалась через края ведра и выглядела весьма привлекательно для того, кто был томим жаждой, как Джейк.

– Парни, мне бы напиться, да и помыться не мешало, если можно, – сказал он. – Мне последнее время не особо везло, но я бы хотел залить в себя столько воды, чтобы хотя бы сплюнуть, прежде чем я вам все расскажу.

– Да, конечно, – сказал Огастес. – Иди и налей себе таз. А нам пока тут постоять, от погони отстреливаться?

– Да какая там погоня, – сказал Джейк, направляясь к дому.

Пом Боггетт слегка растерялся. Он уже совсем было подписался работать, и вдруг приезжает этот новый человек, и все про него забывают. Капитан Колл, не знавший, кроме работы, ничего, и тот отвлекся. Они с Гасом так и остались стоять, будто в самом деле готовясь отстреливаться, вопреки словам Джейка.

Ньют это тоже заметил. Мистеру Гасу надо бы пойти и испечь лепешек для Джейка, а он все стоял и, похоже, о чем-то думал. Дитц уже возвращался из сарая.

Наконец Пом отважился открыть рот:

– Капитан, как я уже говорил, я согласен подождать, если вы планируете собрать стадо.

Капитан как-то странно взглянул на него, словно забыв и как его звать, и что он тут делает. Но все оказалось не так.

– Ну конечно, Пом, – сказал он. – Нам могут понадобиться рабочие руки, если ты не возражаешь выкопать колодец, пока ждешь. Глаз, шевелись, вам всем пора на работу.

Пом уже было собрался решительно отказаться. Он зарабатывал по высшей ставке последние два года, и его никогда не заставляли делать ничего, что требовало слезть с седла. Бестактно со стороны капитана думать, что он может командовать им так же, как этим мальчишкой и старым идиотом Гороховым Глазом, и заставлять горбатиться с ломом и лопатой. Это задевало его гордость, и он очень хотел вскочить на лошадь и оставить их возиться в земле. Но

капитан жестко взглянул на него, так что, когда Пом поднял глаза и открыл было рот сказать, что передумал, их взгляды встретились, и Пом промолчал. Никто никому ничего не обещал, а о плате вообще не было речи, но Пом чувствовал, что сделал один лишний шаг. Капитан смотрел ему прямо в глаза, как будто хотел знать, станет он вертеться ужом и отказываться от своих слов или будет им верен. Пом предложил остаться только из-за Лори, но теперь все зашло слишком далеко. Глаз и Ньют уже шли к сараю. По выражению лица капитана он понял, что, если не хочет потерять свою репутацию, придется ему хотя бы один день покопаться в земле.

Ему показалось, что нужно хоть что-то сказать, чтобы не ударить в грязь лицом, но раньше, чем он сумел придумать, подошел Гас и хлопнул его по плечу.

– Зря ты вчера не уехал, Пом, – сказал он с раздражающей ухмылкой. – Теперь можешь тут застрять надолго.

– Так ты же сам меня позвал, – рассердился Пом. И раз уж он ничего не мог сделать, не опозорив себя, то пошел на выгон.

– Как дороете до Китая, бросайте лопаты, – крикнул ему вслед Огастес. – Это там, где мужики носят косички, похожие на свинячьи хвостики.

– Я бы его не заводил на твоем месте, – предостерег Колл. – Он может нам понадобиться.

– Не я послал его копать колодец, – сказал Огастес. – Разве ты не понимаешь, что это оскорбляет его гордость? Удивляюсь, чего это он пошел. Думал, у Пома больше характера.

– Он сказал, что останется, – сказал Колл. – Я не собираюсь кормить его три раза в день за то, что он будет бездельничать и играть с тобой в карты.

– А в этом нет нужды, – сказал Огастес. – Джейк же приехал. Поспорим, Джейка ты на колодец не зашлешь.

В этот момент Джейк вышел на заднее крыльцо. Рукава закатаны, лицо красное от старой мешковины, которую использовали в качестве полотенца.

– Ваш древний *pistolero*[9] чистил оружие на этом полотенце, – пожаловался Джейк. – Оно грязнее грязи.

– Если он только свой шестизарядник на нем чистил, то ты зря жалуешься, – сказал Огастес. – Мог и чего похуже им подтереть.

– Черт, вы, мужики, совсем никогда не моетесь? – спросил Джейк. – Этот старый мекс даже кастрюлю воды не хотел мне дать.

Колл не любил такого рода замечания, но уж таков он был, Джейк, его больше интересовали всякие пустяки, чем серьезные дела.

– Как ты уехал, так мы и опустились, – сказал Огастес. – Нам тут по большей части не до нежностей.

– Это уж точно, – сказал Джейк. – Взять хотя бы ту чертову свинью на заднем крыльце. Так что насчет лепешек?

– Как бы я по тебе ни скучал, не собираюсь истощать мою закваску только потому, что вы с Дитцем не сумели приехать к завтраку, – сказал Огастес. – Лучше поджарю вам немного мяса.

Он так и сделал, Джейк и Дитц поели, а Боливар сидел и дулся, что теперь придется мыть после них посуду. Огастес забавлялся, наблюдая, как Джейк ест – он был такой щепетильный, – но Колла его манера выводила из себя. Джейк мог двадцать минут провозиться с яйцами и куском бекона. Огастес понимал, что Колл старается быть вежливым и дать Джейку возможность наполнить желудок, прежде чем тот начнет рассказывать. Но терпение Коллу было несвойственно, и он с трудом боролся с желанием поскорее начать работу. Капитан стоял в дверях, наблюдая, как светлеет небо, и от нетерпения готов был укусить сам себя.

– Ну так и где же ты был, Джейк? – спросил Огастес, подгоняя события.

---

[9] Стрелок, бандит *(исп.)*.

Джейк, как обычно, выглядел задумчивым. Казалось, перед его карими глазами пробегают картины прошлого, что придавало ему печальный вид, неотразимый для женского пола. Огастес иногда возмущался, почему дамы не могут устоять перед большими глазами Джейка. Ведь, по сути дела, Джейк Спун жил легко, делал в основном лишь то, что ему нравилось, и сапог своих не пачкал. За этими большими глазами скрывался очень медлительный ум. Джейк, можно сказать, шел по жизни, почти не просыпаясь, и каким-то образом довольно успешно.

– Ну, я посмотрел страну, – начал он. – Два года назад доехал до Монтаны. Наверное, именно там и решил вернуться, хотя я уже несколько лет собирался сюда, чтобы посмотреть, как вы тут обретаетесь.

Колл вернулся в комнату и оседлал стул, решив, что тоже может послушать.

– А при чем здесь Монтана? – спросил он.

– Ну, Колл, тебе надо на нее посмотреть, – сказал Джейк. – Ничего красивее не видел.

– Как далеко ты забирался? – спросил Огастес.

– Далеко, за Йеллоустон, – сказал Джейк. – До самой Милк-Ривер, Молочной реки. Там уже пахнет Канадой.

– Уверен, там и индейцами пахнет, – сказал Колл. – Как тебе удалось пробраться мимо шайенов?

– Да их почти всех вывезли, – сказал Джейк. – Там осталось сколько-то черноногих. Но я же был с армией, занимался маленько разведкой.

Непонятно. Джейк Спун был хорош как разведчик только за карточным столом, а штат Монтана несколько посерьезнее.

– С чего это ты разведкой занялся? – сухо спросил Колл.

– Ну я там скорешился с одним парнем, он бычков черноногим гонял, – объяснил Джейк. – Армия тоже помогала.

– Чертовски много толку от армии при перегонке бычков, – усомнился Гас.

– Они помогали нам сохранить наши прически, – сказал Джейк, укладывая нож и вилку поперек тарелки аккуратно, как на званом обеде. – Я в основном распугивал бизонов с дороги.

– Бизонов? – удивился Огастес. – А я думал, их уже почти не осталось.

– Как бы не так, – сказал Джейк. – Я у Йеллоустона тысяч пятьдесят видел. У этих чертовых охотников на бизонов пороху не хватает с индейцами разобраться. Ну да разберутся, как только шайенов и сиу додавят. Может, уже и разобрались, с той поры, как я там был. Вся трава в Монтане принадлежит индейцам, черт бы их побрал. И ты бы видел эту траву, Колл.

– Умей я летать, прямо бы сейчас подался, – сказал Колл.

– Пешком надежнее, – сказал Огастес. – К тому времени как дойдем, они там, может, всех индейцев прикончат.

– Вот именно, парни, – согласился Джейк. – Как только не будет индейцев, в Монтане можно заработать целые состояния. О таких пастбищах только мечтать. Высокая трава и полно воды, Колл.

– Однако прохладно, верно? – спросил Огастес.

– Ну, там разная погода, – сказал Джейк. – И можно надеть пальто.

– А еще лучше не выходить из дому, – добавил Огастес.

– Хотел бы я увидеть состояние, которое можно заработать, не выходя из дома, – вставил Колл. – Разве только банкиру это удастся, а мы не банкиры. Ты что имеешь в виду, Джейк?

– Сначала надо туда добраться, – сказал Джейк. – Подсобрать этого дармового скота и погнать на север. Опередить всех других сукиных сынов – и мы разбогатеем.

Огастес и Колл обменялись взглядами. Странно было слышать такое от Джейка Спуна, который никогда не отличался амбициями, как, впрочем, и страстью к коровам. Красивые женщины, иноходцы и стопка чистых рубашек – вот к чему он стремился в жизни.

– Слушай, Джейк, с чего это ты так переменился? – сказал Гас. – Ты ведь никогда не хотел разбогатеть.

– Если собираешься пройти вместе с коровами всю дорогу до Монтаны, придется сменить свои привычки, насколько я их помню, – сказал Колл.

Джейк улыбнулся своей медленной улыбкой.

– Вы, мальчики, – сказал он, – держите меня за еще большего лентяя, чем я есть на самом деле. Я не слишком люблю навоз и дорожную пыль, согласен, но я видел то, чего не видели вы, – Монтану. То, что я люблю играть в карты, вовсе не значит, что я не способен унюхать шанс, если он у меня под носом. Слушайте, у вас тут даже крыши на сарае нет. Вам не составит труда сняться с места.

– Ну, Джейк, ты даешь! – восхитился Огастес. – Мы тут десять лет ничего о тебе не слышали, и вдруг ты появляешься и предлагаешь нам собрать барахло и двинуть на север, где с нас снимут скальпы.

– Слушай, Гас, мы с Коллом и так почти лысые, – сказал Джейк. – Так что ты единственный, чей скальп представляет интерес.

– Тем более мне тогда нечего там делать, – сказал Огастес. – Может, успокоишься и поиграешь со мной в карты несколько дней? А когда я выиграю у тебя все деньги, мы и поговорим, двигаться куда или нет.

Джейк обстругал спичку и стал тщательно ковырять в зубах.

– К тому времени, когда ты меня обчистишь, в Монтане все уже будет занято, – сказал он. – Не так-то легко меня обобрать.

– А как насчет лошади? – спросил Колл. – Не гнал же ты ее так только затем, чтобы поскорее подбить нас двинуться в Монтану. В чем это тебе крупно не повезло?

Ковыряющий в зубах Джейк опечалился.

– Убил зубного врача, – сказал он. – Чистая случайность, но убил.

– Где это случилось? – сказал Колл.

– Форт-Смит, в Арканзасе, – сказал Джейк. – Всего три недели назад.

– Что же, я всегда считал лечение зубов опасной профессией, – сказал Огастес. – Зарабатывать на жизнь, дергая чужие зубы, – значит напрашиваться на неприятности.

– Да он даже не дергал мне зуб, – признался Джейк. – Я, вообще-то, не знал, что в городе имеется дантист. Я слегка повздорил в салуне, а чертов мясник на меня напал. Там чье-то ружье стояло у стены, я и схватил его. Черт, я ж сидел на своем собственном револьвере, но не успел бы его вовремя выхватить. Я даже в карты с этим мясником не играл.

– И что тогда он взбесился? – спросил Гас.

– Виски, – сказал Джейк. – Был пьян в стельку. Я и заметить не успел, как ему что-то не понравилось в моей одежде и он вытащил кольт.

– Ну не знаю, что это тебя вообще занесло в Арканзас, Джейк, – сказал Огастес. – Щеголь вроде тебя обязательно нарвется на комментарий в тех краях.

За долгие годы Колл усвоил, что рассказам Джейка следует верить наполовину. Нахальным вруном он не был, но, когда принимался рассказывать о заварушке, его воображение приукрашивало все так, чтобы представить Джейка поудачнее.

– Если тот человек наставил на тебя револьвер, а ты застрелил его, тогда это самооборона, и все, – заключил он. – И я так и не понял, при чем здесь зубной врач.

– Да все было неудачно, – объяснил Джейк. – Я этого мясника вовсе не застрелил. Я выстрелил, но промахнулся, и этого хватило, чтобы он дал деру. Но я стрелял из бизоньего ружья. А сидели мы в дощатом салуне. Разве доска остановит пулю пятидесятого калибра?

– Да и дантист не остановит, – сказал Огастес. – Если ты, конечно, не станешь стрелять в него сверху, да и тогда пуля наверняка выйдет снизу.

Колл покачал головой. Только Огастес мог придумать такую ерунду.

– Так где был дантист? – спросил он.

– Шел себе по другой стороне улицы, – сказал Джейк. – Там, в этом городе, широкие улицы.

– Недостаточно широкие, как я понял, – сказал Колл.

– Ага, – согласился Джейк. – Мы вышли посмотреть, как удирает мясник, и увидели мертвого дантиста в пятидесяти футах. Он оказался в самом неподходящем месте.

– С Глазом однажды тоже такое случилось, – сказал Огастес. – Помнишь, Вудро? Еще в Уичито? Глаз выстрелил в волка и промахнулся, а пуля перелетела через холм и убила одну из наших лошадей.

– Этого я никогда не забуду, – сказал Колл. – Она убила Крошку Билла. Страсть как жаль было конягу.

– Понятно, мы так и не смогли убедить Глаза, что это его рук дело. Он не понимает про траектории.

– Ну а я понимаю, – сказал Джейк. – И в том городе все любили дантиста.

– Эй, Джейк, тут ты заврался, – сказал Огастес. – Никто не любит дантистов.

– Этот был к тому же мэром, – сказал Джейк.

– Ну, смерть-то была в результате несчастного случая, – сказал Колл.

– Да, но ведь я-то игрок, – сказал Джейк. – А они все там в Арканзасе считают себя уважаемыми людьми. К тому же брат дантиста оказался шерифом, и кто-то шепнул ему, будто я стрелок. Он еще за неделю до этого случая предложил мне убраться.

Колл вздохнул. Вся эта мура насчет стрелка сводилась к одному удачному выстрелу, который Джейк сделал еще совсем мальчишкой, начинающим рейнджером. Удивительно, как на одном выстреле можно создать целую репутацию. Джейк тогда с перепугу пальнул с бедра и убил мексиканского бандита, несущегося прямо на них. Колл считал, и Огастес с ним соглашался, что Джейк и не целился вовсе, просто стрелял, надеясь завалить лошадь, – вдруг она рухнет на бандита и придавит его чутка. Но Джейк выстрелил вслепую с бедра, причем солнце светило ему в глаза, и попал бандиту прямехонько в кадык, а такое случается раз в жизни, если вообще случается.

Но Джейку повезло, что большинство свидетелей этого выстрела были такие же сопляки, как и он сам, и не смогли понять, насколько здесь все зависело от счастливого случая. Те, кто выжил и вырос, пересказывали эту историю по всему Западу, так что вряд ли нашелся бы хоть один человек от мексиканской границы до Канады, не знавший, какой меткий стрелок Джейк Спун, хотя любой, проживший с ним рядом годы, прекрасно знал, что из револьвера он вообще стрелять не умеет и весьма средне – из ружья.

Колл и Огастес всегда беспокоились о Джейке из-за его незаслуженной репутации, но ему, как обычно, везло, и он встречал мало людей, знающих толк в стрельбе из револьвера, чтобы получить истинную оценку своему умению. Ирония в том, что выстрел, который навлек на него беду, был таким же случайным, как и тот, что сделал его знаменитым.

– А как тебе удалось сбежать от шерифа? – спросил Колл.

– А его в тот момент не было, – сказал Джейк. – Он поехал в Миссури давать показания насчет каких-то грабителей почтовых карет. Я даже не знаю, вернулся ли он уже в Форт-Смит.

– Они бы не повесили тебя из-за несчастного случая, даже в Арканзасе, – сказал Огастес.

– Я хоть и игрок, но тут рисковать не стал, – пояснил Джейк. – Просто вышел через заднюю дверь, понадеявшись, что Джули слишком занят, чтобы гоняться за мной.

– Джули – это шериф? – спросил Гас.

– Да, Джули Джонсон, – сказал Джейк. – Он молодой, да ранний. Надеюсь, он все еще занят.

– Понять не могу, зачем шерифу брат-дантист, – сказал Огастес с несколько отсутствующим видом.

– Если он велел тебе убираться из города, надо было уехать, – сказал Колл. – Полно других городов, кроме Форт-Смита.

– Там у Джейка, скорее всего, была шлюха, – предположил Огастес. – С ним обычно так и бывает.

– Кто бы говорил, Огастес, – сказал Джейк.

Они все немного помолчали, пока Джейк задумчиво ковырял в зубах заостренной спичкой. Боливар, сидя на стуле, крепко спал.

– Я бы поехал дальше, Колл, – извиняющимся тоном сказал Джейк, – но Форт-Смит – такой красивый городок. Стоит на реке, а мне нравится, когда рядом река. Они там зубатку едят. Для моих челюстей в самый раз.

– Хотел бы я посмотреть, какая рыба удержит меня там, где я ни к месту, – сказал Колл. У Джейка на все находились оправдания.

– Вот это мы и скажем шерифу, когда он за тобой явится, – сказал Огастес. – Может, он возьмет тебя на рыбалку, пока ты будешь ждать, когда тебя повесят.

Джейк пропустил замечание мимо ушей. Пусть себе шутит, а они с Коллом посмеются над ним, когда он попадет в какую-нибудь заварушку. Всегда так и было. Но они все еще *compañeros*[10], и не важно, скольких зубных врачей он там прикончил. Колл и Огастес сами олицетворяли собой закон и не всегда ему точно следовали. Вряд ли они допустят, чтобы какой-то зеленый шериф забрал Джейка, чтобы повесить за несчастный случай. Пусть себе издеваются. Если придет беда, парни его не бросят, и Джули Джонсону придется вернуться с пустыми руками.

Он встал, вышел на крыльцо и посмотрел на пыльный городок, томящийся на жаре.

– Я и не надеялся вас, ребята, здесь застать, – признался он. – Думал, у вас где-нибудь уже большое ранчо. Этот городок выглядел на два четвертака, когда мы сюда приехали, и, на мой взгляд, сейчас он на пятьдесят центов дешевле. Кто остался из тех, кого я знал?

– Ксавье и Губастик, – сказал Огастес. – Терезу зашибло, слава Господу. Некоторые парни уехали, уж позабыл кто. Том Бинум здесь.

– Как же иначе, – сказал Джейк. – Господь присматривает за дураками вроде Тома.

– О Кларе что-нибудь слышал? – спросил Огастес. – Наверное, если ты везде поездил, где-нибудь ее да встретил. Зашел на ужин, как бы между прочим, наверное.

Колл поднялся, чтобы идти. Он узнал достаточно, чтобы понять, почему Джейк вернулся, и не собирался тратить день, чтобы выслушивать его похвальбу насчет путешествий, особенно если речь пойдет о Кларе Аллен. Он достаточно наслушался про Клару в те далекие дни, когда и Гас, и Джейк за ней ухлестывали. Он был рад узнать, что она вышла замуж, решив, что на этом все, но ничего не все, и слушать, как Гас разглагольствует о ней, было ненамного лучше, чем смотреть, как они из-за нее ссорятся. Теперь, когда Джейк вернулся, все начнется снова, хотя Клара Аллен вышла замуж и уехала отсюда больше пятнадцати лет назад.

Дитц поднялся вместе с Коллом, готовый идти работать. Он не сказал ни слова во время еды, но всем было ясно, как он гордится тем, что привел Джейка.

– Ладно, сегодня не выходной, – объявил Колл. – Надо дело делать. Мы с Дитцем пойдем поможем там парням.

– Ньют меня удивил, – сказал Джейк. – Я-то думал, он все еще пацан. А Мэгги здесь?

– Мэгги умерла девять лет назад, – сказал Огастес. – Ты едва через холм перевалил, как это случилось.

– Черт бы меня побрал, – удивился Джейк. – Ты хочешь сказать, вы присматривали за мальчишкой девять лет?

---

[10] Товарищи *(исп.)*.

Последовала длинная пауза, и только Огастес чувствовал себя уютно. Дитц так смутился, что обошел капитана и спустился впереди него по ступенькам.

– А что, так оно и было, Джейк, – сказал Гас. – Он с нами после смерти Мэгги.

– Черт бы меня побрал, – снова повторил Джейк.

– Мы просто поступили по-христиански, – сказал Огастес. – В смысле, взяли его. Ведь кто-то из вас, парней, наверняка его отец.

Колл надел шляпу, взял ружье и оставил их разговаривать.

7

Джейк Спун стоял в дверях низкого дома и смотрел, как Колл и Дитц идут к сараю. Он сразу же захотел домой, едва выглянул из двери и увидел мертвого человека в грязи, на другой стороне главной улицы в Форт-Смите. Но вот он дома и поневоле вспоминает, как здесь напряженно, когда Колл в дурном расположении духа.

– Штаны у Дитца – глаз не оторвешь, – сказал он мягко. – Раньше он вроде получше одевался.

Огастес хмыкнул.

– Он и похуже одевался, – сказал он. – Пятнадцать лет ходил в пальто из овечьей шкуры. Ближе чем на пять футов к нему и подойти нельзя было, блохи так и прыгали. Из-за этого пальто мы заставляли его спать в сарае. Я не капризный, но блох не люблю.

– И что с ним случилось? – спросил Джейк.

– Я его сжег, – сказал Огастес. – Дитц однажды летом уехал с Коллом, так я взял пальто и сжег. А ему сказал, что его украл охотник на бизонов. Дитц уже собрался в погоню, чтобы отнять пальто, но я его отговорил.

– Что же, это ведь его пальто было, – сказал Джейк. – Я его не виню.

– Черт, да Дитцу оно и не нужно было, – сказал Огастес. – Здесь ведь не холодно. Дитц просто привязался к нему за долгое время. Ты ведь помнишь, как мы его нашли, верно? Ты тогда с нами был?

– Может, и был, но не помню. – Джейк закурил.

– Мы нашли пальто в брошенном домике на Бразосе, – сказал Огастес. – Я думаю, поселенцы его бросили, решили, что тяжело тащить. Оно весило не меньше овцы, поэтому Колл и отдал его Дитцу. Он единственный из нас мог таскать его весь день. Разве ты забыл, Джейк? Во время заварушки у форта Фантом-Хилл.

– Заварушку помню, а все остальное как в тумане, – признался Джейк. – Как я понимаю, вы тут, ребята, сидите и вспоминаете старые времена. Я еще молодой, Гас. Мне на жизнь надо зарабатывать.

Вот что он действительно помнил, это как дрожал от страха всякий раз, когда они переправлялись через Бразос, потому что их бывало не больше десяти-двенадцати человек и они вполне могли нарваться на сотню команчей или кайова. Он с удовольствием ушел бы из рейнджеров, если бы сумел это сделать, не потеряв лица, но ничего не получалось. В результате он побывал в двенадцати схватках с индейцами и многочисленных стычках с бандитами, а вот теперь влип по-настоящему в Форт-Смите в Арканзасе, таком тихом городишке, что тише не бывает.

Он вернулся, и все ему напоминает здесь о Мэгги, которая всегда грозилась умереть, если он ее бросит. Конечно, он считал это бабской болтовней, эдаким трюком, к которому прибегают все женщины, чтобы удержать мужика. Джейку часто приходилось такое слышать, пока он мотался по стране, и в Сан-Антонио, и в Форт-Уорте, и в Абилине и Додже, и в Огаллале и Майлс-Сити. Обычный разговор шлюхи, которая притворяется, что влюблена. Но Мэгги действительно умерла, а он-то думал, что она просто переедет в другой город. Печально найти дома такое, хотя, по имеющимся у него сведениям, Колл обошелся с ней еще хуже.

– Джейк, ты мне не сказал насчет Клары, – настаивал Огастес. – Если ты ее видел, мне бы хотелось послушать, хотя я завидую каждой секунде.

– Ай, да нечему тут завидовать, – сказал Джейк. – Видел я ее не больше минуты, возле лавки в Огаллале. Этот чертов Боб был с ней, так что я только шляпу приподнял и поздоровался.

– Клянусь, Джейк, я думал, ты находчивее, – сказал Огастес. – Они живут в Небраске, так?

– Да, у реки Норт-Платт. Вообще-то, он самый крупный торговец скотом в том районе. Армия покупает у него кучу лошадей. Так что, думаю, он богат.

– А дети есть? – спросил Огастес.

– Вроде две девочки. Слышал, мальчики у нее умерли. Боб не слишком мне обрадовался. И поужинать не позвали.

– Даже такой болван, как Боб, знает, что тебя надо держать подальше от Клары, – сказал Огастес. – Как она выглядит?

– Клара? Похуже, чем раньше.

– Полагаю, там не слишком сладкая жизнь, в Небраске.

Оба несколько минут молчали. Джейк считал, что бестактно было со стороны Гаса начинать разговор о Кларе, женщине, к которой он давно не испытывал никакой симпатии, поскольку она указала ему на дверь и вышла замуж за здоровенного тупого торговца лошадьми из Кентукки.

У Огастеса были свои печали, вызванные главным образом тем, что Джейк мельком видел Клару, а он сам принужден довольствоваться случайными сплетнями. В шестнадцать она была такой прелестной, что дух захватывало, и умной к тому же, и хваткой, что быстро доказала, когда ее родители были убиты во время большого набега индейцев в 1856 году, самого, пожалуй, скверного набега в здешних местах. Когда это случилось, Клара была в школе в Сан-Антонио, но сразу же вернулась в Остин и стала хозяйкой магазина, который открыли ее родители. Индейцы попытались подпалить его, но почему-то не вышло. Огастес чувствовал, что тогда он мог бы завоевать ее, но он в то время был женат, а когда его вторая жена умерла, Клара стала уже такой независимой, что завоевать ее было весьма затруднительно.

По правде говоря, это оказалось просто невозможным. Она отказала и ему, и Джейку и все же вышла замуж за Боба Аллена, такого тупого мужика, что он в дверь не мог войти, не ударившись головой о притолоку. Вскоре они перебрались на север. С той поры Огастес все ждал вестей о том, что она овдовела. Не то чтобы он желал Кларе неприятностей, но торговля лошадьми в стране, где кишат индейцы, – рискованное дело. Если бы Боб помер раньше времени, а такое случалось и с лучшими людьми, он хотел бы быть среди первых, предложивших помощь вдове.

– Повезло этому Бобу Аллену, – сказал он. – Я знавал торговцев лошадьми, которые не протягивали и года.

– Черт возьми, да ты же сам торговец лошадьми, – сказал Джейк. – Вы, ребята, позволили себе завязнуть. Вам уже давно надо было отправиться на север. Там куча возможностей.

– Может, и так, Джейк, но ты-то их использовал лишь для того, чтобы убить дантиста, – сказал Огастес. – Мы, по крайней мере, никаких нелепых преступлений не совершали.

Джейк улыбнулся.

– А у вас тут выпить не найдется? – спросил он. – Или ты сидишь здесь весь день с пересохшим горлом?

– Он напивается, – возвестил Боливар, внезапно проснувшись.

Огастес поднялся.

– Пошли пройдемся, – сказал он. – Ему не нравится, когда у него на кухне торчат без надобности.

Они вышли в жаркое утро. Небо уже побелело. Боливар двинулся за ними и взял лассо из сыромятной кожи, которое хранил на поленнице дров у заднего крыльца. Они увидели, как он уходит в заросли чапараля с веревкой в руке.

– Этот старый пистолеро не слишком вежлив, – сказал Джейк. – Куда это он пошел с веревкой?

– Я его не спрашивал, – сказал Гас.

Он пошел к кладовке, где на этот раз не оказалось гремучек. Он мысленно веселился, представляя себе, как разозлится Колл, когда вернется в полдень – а они уже пьяные. Он протянул бутыль Джейку, поскольку тот был гостем. Джейк вытащил пробку и скромно приложился.

– Если нам удастся найти тень, где выпить, мы будем в порядке, – сказал Джейк. – Слушай, у вас ведь, наверное, в городе нет продажной девки?

– Ну и дрянь же ты. – Огастес забрал у него бутыль. – Ты что, так богат, что ни о чем другом и думать не можешь?

– Я об этом думаю и когда богат, и когда беден, – сказал Джейк.

Они ненадолго присели на корточки в тени кладовки, прислонившись спинами к саманной стенке. Солнце ее еще не нагрело, им было прохладно. Огастес не счел нужным упоминать о Лорене, поскольку Джейк и сам это скоро выяснит и, скорее всего, влюбит ее в себя за неделю. Мысль о том, как неудачно приехал Пом Боггетт, заставила его улыбнуться. Вне сомнения, если и был у Пома какой шанс, Джейк его сведет на нет. Пом обрек себя на день колодезного копания зазря, поскольку в обращении с женщинами Джейку не было равных. Его большие глаза убеждали их, что без них он пропадет, и ни одна не хотела, чтобы он ушел и пропал.

Пока они сидели на корточках, из-за дома появились свиньи, вынюхивая, чего бы сожрать. Но даже паршивого кузнечика во дворе не было. Они остановились и с минуту смотрели на Огастеса.

– Шли бы к салуну, – посоветовал он им. – Может, найдете шляпу Губастика.

– Те, кто держит свиней, ничуть не лучше фермеров, – сказал Джейк. – Удивляюсь я тебе и Коллу. Если уж вы перестали быть блюстителями закона, хоть бы уж оставались скотоводами.

– А я думал, что ты к этому времени уже станешь владельцем железной дороги, – сказал Огастес. – Или хотя бы борделя. Мы, знаешь ли, сильно разочарованы.

– Может, у меня и нет состояния, но я, по крайней мере, слова свинье никогда не сказал, – сказал Джейк.

Теперь, оказавшись дома с друзьями, он почувствовал, что хочет спать. После еще нескольких глотков и небольшой перепалки он вытянулся как можно ближе к погребу, чтобы подольше находиться в тени. Потом приподнялся на локте, приготовившись выпить еще глоток.

– Как это Колл позволяет тебе весь день сидеть и тянуть это пойло? – спросил он.

– Колл никогда не был мне начальник, – сказал Огастес. – Когда хочу, тогда и пью.

Джейк взглянул на пастбище с низкорослыми кустами. Кое-где торчали пучки травы, но в основном земля была словно кремень. От нее поднимались волны жары, напоминающие пары керосина. Что-то шевельнулось в пределах видимости, и он разглядел странное коричневое животное под кустом. Приглядевшись, он понял, что это голая задница старика-мексиканца.

– Черт, зачем он брал веревку, если просто собрался посрать? – спросил он. – Где ты раздобыл этого сального старого негодяя?

– У нас тут богадельня для вышедших на покой бандитов, – объяснил Огастес. – Если ты уйдешь на пенсию, тоже сгодишься.

– Мать твою, я и позабыл, какие тут жуткие края, – сказал Джейк. – Был бы спрос на змеиное мясо, мы бы тут разбогатели.

С этими словами он закрыл лицо шляпой и уже через пару минут тихо захрапел. Огастес поставил бутыль обратно в кладовку. Ему пришло в голову, что, пока Джейк спит, он может нанести визит Лорене. Как только она попадет под действие чар Джейка, тот вполне может потребовать, чтобы она прекратила профессиональную деятельность на какое-то время. Огастес относился к такой перспективе философски. Он по опыту знал, что в отношениях мужчин с женщинами неизбежно случаются перерывы, иногда даже более длительные, чем те, что может вызвать Джейк Спун.

Он оставил Джейка спать и направился по руслу Шляпного ручья. Проходя мимо загонов, он увидел надрывающегося над воротом Дитца, который вытаскивал из нового колодца ведро грязи. Колл занимался с Адской Сукой. Он привязал ее к столбу и обмахивал вальтрапом. Пом так промок от пота, словно только что вылез из водопойного корыта. Даже лента на шляпе и ремень на штанах были черные.

– Пом, ты мокрый до нитки, – сказал Огастес. – Если бы поблизости был колодец, я бы решил, что ты в него свалился.

– Если бы люди могли пить пот, то и колодца никакого не надо было бы, – сказал Пом. Его тон показался Огастесу не слишком дружелюбным.

– Ты вот как на это смотри, – сказал он. – Работаешь, чтобы скопить манну на небесах.

– Пошли они к черту, небеса, – сказал Пом.

Огастес улыбнулся.

– Как же, ведь и в Библии сказано про пот на лбу, – сказал он. – У тебя пот даже с пряжки ремня капает, Пом. Явно потрафишь серафиму.

Это высказывание прошло мимо ушей Пома, горько сожалевшего, что по глупости он вляпался в такую унизительную работу. Огастес стоял и ухмылялся, как будто нет ничего забавнее человека в поту.

– Надо бы тебя спихнуть в эту дыру, – сказал Пом. – Если бы ты не одолжил мне денег, я бы уже был на полпути к Матагорде.

Огастес подошел к забору, чтобы взглянуть на Колла и кобылу. Тот как раз собирался седлать ее. Колл привязал ее почти у самой морды, но та не переставала косить глазом на случай, когда он зазевается.

– Ты б ей глаза завязал, – сказал Огастес. – Уж на это у тебя должно было ума хватить.

– Не хочу я завязывать ей глаза, – сказал Колл.

– Если у нее будут завязаны глаза, она может ошибиться и укусить вместо тебя столб, – сказал Огастес.

Колл уже положил вальтрап на спину лошади и взялся за седло. Привязанная, лошадь не могла укусить его, но задние ноги ее были свободны. Он держался поближе к ее плечу, собираясь опустить седло. Кобыла лягнула правой задней ногой. До него она не достала, но зацепила седло и чуть не выбила его из рук. Он снова попытался пристроить седло.

– Помнишь лошадь, которая откусила старику пальцы на ноге, на левой, все до одного? – спросил Огастес. – Старика звали Харвелл. Он ушел на войну, и его убили под Виксбергом. Он уже мало чего стоил после того, как потерял пальцы. Конечно, у той лошади голова была размером с тыкву. Никто не думал, что такая маленькая кобыла сможет откусить сразу пять пальцев.

Колл опустил седло на спину лошади, и в тот момент, когда подпруга коснулась ее живота, кобыла взвилась вверх изо всех сил, и седло отлетело на двадцать футов. Огастес жизнерадостно рассмеялся. Колл пошел в сарай и вернулся с веревкой из сыромятной кожи в руках.

– Если нужна помощь, скажи, – сказал Огастес.

– Не нужна, – сказал Колл. – Не от тебя.

– Колл, ты ничему не учишься, – сказал Огастес. – Полно тихих лошадей в округе. Зачем человеку с твоими заботами тратить время на кобылу, которой надо завязывать глаза и связывать ноги, чтобы оседлать?

Колл проигнорировал его. В этот миг кобыла с опаской приподняла заднюю ногу, намереваясь лягнуть все, до чего дотянется. Колл улучил момент и, зацепив ногу сыромятной петлей, закрепил веревку на столбе. Кобыла осталась стоять на трех ногах, так что лягаться больше не могла, иначе бы свалилась. Она наблюдала за ним краешком глаза и слегка дрожала от негодования, но дала себя оседлать.

– Продай ее Джейку, – сказал Огастес. – Если его не повесят, может, ему удастся научить ее иноходи.

Колл оставил кобылу под седлом, привязанной к столбу и на трех ногах, и отошел к забору, покурить и дать время кобыле оценить ситуацию.

– Где Джейк? – спросил он.

– Отсыпается, – сказал Огастес. – Думаю, устал от волнений.

– Он ничуть не изменился, – сказал Колл. – Ни капли.

Огастес рассмеялся.

– Кто бы говорил, – сказал он. – Когда ты последний раз менялся? Должно быть, лет тридцать назад, еще до того как мы встретились.

– Смотри, как она следит за нами, – сказал Колл.

Кобыла правда за ними следила. Даже торчащие уши были повернуты в их сторону.

– Я бы не счел это комплиментом, – сказал Огастес. – Она следит за тобой, но не от любви.

– Говори что хочешь, – сказал Колл. – Но кобылы умней я не видел.

Огастес снова рассмеялся.

– А, так вот что тебе нужно? Ум? У нас с тобой противоположный взгляд на вещи. Как раз умных и следует опасаться. Не важно, кто это – лошади, женщины, индейцы или еще кто. Я давно уже знаю, что у тупой лошади масса преимуществ. Тупая лошадь может иногда ступить в яму, зато ты можешь спокойно поворачиваться к ней спиной, не боясь потерять кусок шкуры.

– Я предпочитаю лошадей, которые не ступают в ямы, – сказал Колл. – Как думаешь, кто-нибудь в самом деле гонится за Джейком?

– Трудно сказать, – сказал Огастес. – Джейк всегда был нервным. Он принимал куст за индейца чаще, чем любой из нас.

– Мертвый дантист – это не куст.

– Нет, конечно, но здесь не все ясно насчет шерифа. А вдруг он не любил своего брата? А может, какой беглый пристрелит его до того, как он сюда доберется? А может, он заблудится и окажется в штате Вашингтон. А еще он может появиться тут завтра и всем нам покажет, где раки зимуют. Я не рискнул бы ставить деньги ни на один вариант.

Они немного помолчали, и единственным звуком был скрип ворота: Дитц поднимал очередное ведро грязи.

– Почему бы не двинуть на север? – спросил Колл, застав Огастеса врасплох.

– Ну, я не знаю. Я серьезно об этом не думал, и, насколько мне известно, ты тоже. По-моему, староваты мы уже, чтобы снова лезть к индейцам.

– Их не должно быть много, – сказал Колл. – Ты же слышал Джейка. Там то же, что и здесь. А Джейк различает хорошую землю. По его словам, там рай для скотоводов.

– Да нет, по его словам, там чертова дикость, – сказал Огастес. – Слушай, там ведь даже дома нет, жить негде. Я уже достаточно поспал на земле, на всю жизнь хватит. Мне теперь подавай хоть какую, но цивилизацию. Я обойдусь без ёперных театров и трамваев, но я хочу приличную кровать и крышу над головой на случай плохой погоды.

– Он сказал, там куча возможностей, – сказал Колл. – Похоже, что он прав. Кто-нибудь там поселится и получит эту землю. Предположим, мы будем первыми. Сможем купить тебе сорок кроватей.

Огастеса удивляли не слова Колла, а его тон. Годами Колл смотрел на жизнь так, будто она в основном закончилась. Колл никогда не видел особых причин для счастья, но, с другой стороны, у него всегда была цель. Сделать то, что должно быть сделано, а что должно – было просто, если не сказать легко. Поселенцы в Техасе нуждались в защите от индейцев с севера и мексиканцев с юга. Работа рейнджера вполне подходила Коллу, и он выполнял ее со рвением, которое у другого сошло бы за счастье.

Но эта работа кончилась. На юге в защите нуждались в основном стада богачей вроде капитана Кинга или Шанхая Пирса, у каждого из которых скота было больше, чем нужно человеку. На севере войной с команчами занялась армия и почти разобралась с ними, освободив от этой задачи рейнджеров, а раз ни Колл, ни Огастес военных званий не имели, в армии им места не нашлось. Вдоль всей северо-западной границы были построены форты, и свободно передвигающиеся рейнджеры постоянно мешали армии – или армия мешала им. Когда началась Гражданская война, их вызвал сам губернатор и попросил не уходить, ведь большинство мужчин ушли в армию, а для защиты границы требовался по меньшей мере один надежный отряд рейнджеров.

Именно это задание и привело их в Одинокий Голубь. После войны поднялся рынок скота, так что все крупные землевладельцы на юге Техаса принялись сбивать большие стада и гнать их на север, в Канзас, поближе к железной дороге. Когда наконец скот стал целью для охоты и заросли чапараля наполнили ковбои и торговцы скотом, они с Коллом перестали быть рейнджерами. Им не составляло труда перейти через реку, вернуться с сотней-другой голов скота за раз и продать его торговцам, которые ленились сами лазить в Мексику. Они до известной степени процветали. В банке Сан-Антонио у них на счету имелось достаточно денег, чтобы они могли чувствовать себя богатыми, будь им до этого дело. Но им не было; Огастес точно знал, что в жизни, которую они вели, Колла ничто особо не интересовало. У них были деньги, чтобы купить землю, но они этого не делали, хотя вокруг имелось еще полно восхитительно дешевой земли.

Они слишком надолго тут застряли, думал Огастес, когда мысли его обращались в эту сторону. Они были люди на лошадях, не горожане, и этим куда больше походили на команчей, чем Колл готов был признать. Они жили в Одиноком Голубе уже почти десять лет, но собственность, которой они владели, была так ничтожна, что любой из них просто сел бы на лошадь и бросил ее без сожаления.

И впрямь, Огастесу казалось, что именно это они оба давно собираются сделать. Они ведь не из породы оседлых, он и Колл. Время от времени они поговаривали о том, чтобы двинуть на запад от Пекоса, стать снова рейнджерами, но до сих пор редкий поселенец задумывался бросить вызов апачам, так что и в рейнджерах нужды не было.

Огастес не ждал, что Колл вечно будет гонять стада из Мексики, но и не ожидал, что тот внезапно решит податься в Монтану. А идея эта, очевидно, его захватила.

– Вот что я тебе скажу, Колл, – сказал Огастес. – Ты с Дитцем и Глазом езжайте в Монтану, постройте там славный домик с камином и хотя бы одной кроватью, чтобы к моему приезду все было готово. Потом разделайтесь с остатками шайенов, черноногих и сиу, и вообще со всеми непокорными. А когда закончите, мы тут с Джейком и Ньютом соберем стадо и встретимся с вами на реке Паудер.

Колла это позабавило.

– Хотел бы я посмотреть на стадо, которое вы с Джейком соберете, – сказал он. – Разве что стадо шлюх.

– Уверен, нас бы благословили за такое, – сказал Огастес. – Вряд ли там есть хоть одна приличная женщина.

Внезапно он сообразил, что в Монтану не попадешь, не переправившись через Платт, а именно там жила Клара. С Бобом Алленом или без, уж *его-то* она на ужин пригласит, хотя бы затем, чтобы похвастаться девочками. Может, сведения Джейка устарели и она прогнала своего мужа с тех пор, как они виделись. Так или иначе, мужей во все века водили вокруг пальца, пусть это касается такой мелочи, как пригласить за стол старого соперника. Эти мысли придали всей идее некоторую привлекательность.

– Как ты думаешь, Колл, сколько ехать до Монтаны? – спросил он.

Колл посмотрел на север, через пыльные равнины, как бы представляя мысленным взором волнистые пространства, протянувшиеся дальше, чем рассказывают, дальше, чем кто-либо видел. Джейк утром упоминал Милк-Ривер, о которой он вообще никогда не слыхал. Он знал ту территорию, которую знал, но она кончалась на реке Арканзас. Многие говорили про Йеллоустон так, будто это конец света; даже Кит Карсон[11], с которым он дважды встречался, никогда не рассказывал о том, что лежит так далеко на севере.

Но потом он вспомнил, как они однажды разбили лагерь на Бразосе, много лет назад, вместе с армейским капитаном. С ним был разведчик из делаваров, который ходил дальше, чем все, кого они знали, аж до верховьев Миссури.

– Черного Бобра помнишь, Гас? – спросил он. – Вот он бы знал, насколько это далеко.

– Я его помню, – сказал Огастес. – Всегда удивлялся, как сумел такой коротконогий индеец прошагать столько миль.

– Он хвастался, что побывал всюду, от Колумбии до Рио-Гранде, – сказал Колл. – Вот что называется знать страну, так я тебе скажу.

– Так ведь он был индейцем, – сказал Огастес. – Ему не приходилось поддерживать закон и порядок и охранять банкиров и учителей воскресных школ, как нам. Наверное, поэтому ты и готов рвануть в Монтану. Хочешь учредить еще несколько банков.

– Не преувеличивай, – сказал Колл. – Какой я тебе банкир?

– Нет, конечно, но многим банкирам ты дал шанс, – сказал Огастес. – Именно этим мы и занимались, знаешь ли. Убивали чертовых краснокожих, чтобы они не беспокоили банкиров.

– Они не только банкиров беспокоили, – сказал Колл.

– Ну да, еще адвокатов, врачей, газетчиков и коммивояжеров всех мастей.

– Не считая женщин и детей, – сказал Колл. – Не говоря уже о простых поселенцах.

– Ну, женщины, дети и простые поселенцы – лишь пушечное мясо для адвокатов и банкиров, – сказал Огастес. – Часть общей картины. Когда индейцы повыбивают достаточно народу, все вопят и нас посылают разделаться с индейцами. Если они все равно возвращаются, за дело берется армия, и тогда им совсем худо. В конечном итоге армии удается так их проредить, чтобы можно было загнать их в какие-нибудь резервации, и тогда являются адвокаты и банкиры и начинается цивилизация. Каждый банк в Техасе должен нам комиссионные за то, что мы сделали. Если бы не мы, все банкиры до сих пор обретались бы в Джорджии, кормясь салатом и репой.

– Тогда не знаю, чего ты тут застрял, раз так думаешь, – сказал Колл. – Ехал бы домой, учил детей в школе.

– Черт, вот уж нет. Хотел еще поглядеть тут на все, пока банкиры и адвокаты все не захапали.

– Ну, до Монтаны они еще не добрались, – сказал Колл.

– Если мы туда двинем, они пойдут по пятам, вот увидишь. Самые первые из них наймут тебя, чтобы ты перевешал всех конокрадов и приструнил тех индейцев, у которых еще остался запал. Ты все это сделаешь, и начнется цивилизованный мир. А потом ты не будешь знать, чем заняться, и будешь маяться, вот как тут маешься последние десять лет.

– Я уже не мальчик. Помру, прежде чем все это случится. И вообще, вовсе не собираюсь я там порядки устанавливать. Я хочу заняться скотоводством. Джейк сказал, там рай для скотоводов.

– Какой из тебя скотовод, Колл, – сказал Огастес. – Такой же, как и из меня. Если бы у нас было ранчо, не знаю, кто бы им занимался.

Коллу показалось, что, возможно, кобыла простояла на трех ногах достаточно долго, да и с Гасом он уже наговорился. Иногда от Гаса можно услышать странные вещи. Он перебил

[11] *Кит Карсон* (1809–1868) – американский генерал, прославившийся при освоении фронтира и в Индейских войнах.

индейцев не меньше, чем любой рейнджер, и видел достаточно резни, чтобы знать, почему он это делал. И все же, когда он говорил, иногда казалось, что он на стороне индейцев.

– Насчет ранчо, – сказал он. – Мальчишка сможет им заниматься. Он почти вырос.

Огастес немного подумал над этим предложением, как будто такое никогда не приходило ему в голову.

– Что же, может, и так, Колл, – согласился он. – Думаю, он мог бы этим заняться, если бы захотел и если бы ты ему позволил.

– Не понимаю, отчего бы ему не захотеть, – сказал Колл и пошел к кобыле.

8

К середине дня стало так жарко, что никто даже думать не мог. Во всяком случае, Ньют не мог, да и остальные, похоже, не слишком быстро соображали. Единственное, о чем у них хватало сил спорить, – это где жарче – внизу, на дне колодца с лопатой, или наверху, на солнце, крутить ворот. Внизу они работали в такой тесноте и так потели, что там клубился туман, тогда как на солнце этой проблемы не было. Работая внизу, Ньют нервничал, особенно если там же был и Глаз, потому что, когда Глаз орудовал ломом, он не всегда смотрел, куда его всаживал, и однажды едва не продырявил Ньюту ногу. С той поры Ньют работал, широко расставив ноги, чтобы не подставлять их под лом.

Они пахали что есть сил, когда вернулся капитан. Кобыла его была вся в мыле, он проскакал на ней вдоль реки миль двадцать. Колл направил ее прямо к колодцу.

– Привет, парни, – сказал он. – Вода уже пошла?

– Пошла, пошла, – сказал Пом. – Из меня уже пара галлонов вышло.

– Скажи спасибо, что ты здоровый, – сказал Колл. – Человек, не умеющий потеть, в такую жару помрет.

– Слушай, ты не хочешь продать эту кобылку? – спросил Пом. – Мне нравится ее стать.

– Не тебе первому, – сказал Колл. – Я оставлю ее себе. Но можете прерваться и немного отдохнуть. Нам сегодня в Мексику.

Они все вернулись во двор и уселись вдоль сарая, где было немного тени. Как только они сели, Дитц принялся зашивать свои штаны. У него в коробке из-под сигар всегда имелись иголка и суровая нитка, и при малейшей возможности он усаживался и принимался штопать. Густая плотная шевелюра Дитца уже начинала седеть.

– На твоем месте я бы эти штаны выбросил, – сказал Пом. – Если уж тебе приспичило носить одеяло, найди себе новое и начни сначала.

– Нет, сэр, – мягко сказал Дитц. – Эти штаны еще продержатся.

Ньют испытывал легкое возбуждение. Капитан не отделил его от других, когда велел отдыхать. Вдруг это значит, что его наконец возьмут в Мексику. С другой стороны, он торчал внизу, так что капитан вполне мог просто забыть о нем.

– Мне правда нравится эта кобыла, – повторил Пом, глядя, как капитан снимает с нее седло.

– И зря, – вмешался Глаз. – Она вчера капитана чуть не убила. Выдрала из него шмат размером с мою ступню.

Они все посмотрели на ступню Глаза, которая и размерами и формой напоминала совковую лопату.

– Я бы сказал, это маловероятно, – сказал Пом. – У нее вся морда меньше, чем твоя нога.

– Если бы она выгрызла такой кусок из тебя, ты бы счел его достаточно большим, так я думаю, – печально сказал Глаз.

Когда Пом окончательно отдышался, он вытащил из кармана перочинный нож и спросил, не хочет ли кто-нибудь поиграть в ножички. У Ньюта был свой перочинный нож, и он быстро согласился. Игра заключалась в том, что нужно метать нож разными способами, но так, чтобы он воткнулся в землю. Пом выиграл, и Ньюту пришлось зубами вытаскивать из земли колышек. Пом так основательно его вогнал, что Ньют весь нос в земле измазал, пока его вытащил.

Глаз страшно развеселился.

– Гляди, Ньют, если лом сломается, докопаешь колодец носом, – сказал он.

Так они и сидели кружком, лениво пробуя разные метательные трюки, когда услышали топот копыт, неспешно приближающийся с востока.

– Кого это несет? – сказал Глаз. – Странное время для визитов.

– Ну, если это не Хуан Кортинас, тогда, наверное, парочка грабителей банков. – Пом упомянул имя мексиканского конокрада, который к югу от реки славился успешными набегами на техасцев.

– Нет, это не Кортинас. – Гороховый Глаз прищурился, чтобы разглядеть получше. – Он всегда на серой ездит.

Всадники остановились в дальнем конце участка, чтобы прочитать надпись, которую установил Огастес, когда возникла «Компания Шляпного ручья». Колл хотел просто написать «Извозчичий двор Шляпного ручья», но Огастес не желал ограничиваться таким простым заявлением. Ему пришло в голову, что на вывеске должны быть цены. Колл считал достаточным, чтобы люди знали: здесь можно поставить лошадь, – но Огастесу это казалось безнадежно простодушным. Он превозмог себя и разыскал старую фанерную дверь, которую сорвало с чьего-то погреба, скорее всего тем же ветром, который сдул крышу с их сарая. Он приколотил дверь на угол одного загона, напротив дороги, чтобы въезжающие в город путники первым делом увидели ее. В итоге они с Коллом столько спорили из-за вывески, что Колл плюнул и умыл руки.

Это вполне устроило Огастеса, который считал, что он единственный в Одиноком Голубе обладает достаточным литературным талантом. В хорошую погоду он садился в тени вывески и размышлял, как можно ее улучшить. За два или три года с тех пор, как они ее установили, он придумал столько изменений и дополнений к простому изначальному объявлению, что исписал практически всю дверь.

Сначала он скромно добавил название компании – «Скотоводческая компания Шляпного ручья и прокатный эмпориум», что несколько противоречило одно другому. Колл утверждал, что никто не знает, что такое эмпориум, включая его самого. Он и до сих пор не знал, несмотря на упорные попытки Огастеса объяснить. Колл твердо знал одно: ничего подобного у них нет, ничего подобного он не хочет, и это никак не сочетается со скотоводческой компанией.

Однако Огастес настоял на своем, и эмпориум на вывеске остался. Он его написал, главным образом желая, чтобы прибывающие в Одинокий Голубь знали, что тут есть хотя бы один человек, способный написать такое сложное слово.

Дальше он поставил имена, свое и Колла. Сначала свое, потому что он был на два года старше и считал, что все должно делаться по старшинству. Колл не возражал, его гордость распространялась на другие вещи. Так или иначе, он вскоре так возненавидел эту вывеску, что предпочел бы вообще убрать с нее свое имя.

Гороховый Глаз страстно хотел, чтобы на вывеске значилось и его имя, так что однажды Огастес вписал его туда – в подарок на Рождество. Конечно, Глаз читать не умел, но мог видеть и, как только уточнил, где именно изображено его имя, указывал на него любому, кто проявлял хоть какой-то интерес. Он уже успел показать его Пому, хотя тот особого интереса не проявил. К сожалению, прошло уже больше тридцати лет с того времени, как кто-либо называл Глаза иначе, чем Глаз, и даже Колл, который принимал его в рейнджеры, не мог вспомнить настоящего имени, хотя и помнил, что фамилия была Паркер.

Не желая обижать человека, Огастес написал: «Г. Г. Паркер, ковбой». Он бы предпочел написать «кузнец», потому что Глаз в самом деле был великолепным кузнецом и весьма посредственным ковбоем, но сам Гороховый Глаз считал, что ездит верхом не хуже любого другого, и не желал быть причисленным к менее престижной профессии.

Ньют понимал, что он слишком молод, чтобы претендовать на упоминание на вывеске, посему никогда об этом не заикался, хотя был бы чрезвычайно польщен, если бы ему предложили. Никто не предлагал, но ведь и Дитц ждал почти два года, прежде чем его имя появилось на вывеске, так что Ньют смирился с ожиданием. Конечно, Огастесу не пришло в голову написать на вывеске имя Дитца, ведь тот был черным. Но когда вписывалось имя Глаза, процедура сопровождалась длинными разговорами, и как раз в тот период Дитц вдруг стал подвержен

припадкам меланхолии, совершенно ему несвойственным, которые страшно удивляли Колла. Дитц был рядом с ним многие годы, прошел сквозь все бури и опасности и такие бесплодные земли, где приходилось убивать лошадь, чтобы поесть, и все эти годы Дитц был весел и жизнерадостен. И вдруг из-за этой дурацкой вывески впал в уныние и там оставался до той поры, когда Огастес случайно увидел, как Дитц печально взирает на вывеску, и наконец догадался. Когда Гас рассказал Коллу о своих выводах, тот пришел в ярость.

– Эта проклятая вывеска нам все испортит, – сказал он и сам помрачнел. Он знал, что Огастес тщеславен, но никогда не подозревал за Глазом и Дитцем той же слабости.

Конечно, Огастес с удовольствием добавил имя Дитца, хотя, как и в случае с Глазом, здесь имелись некоторые сложности. Просто написать «Дитц» было глупо. Дитц тоже не умел читать, но прекрасно видел, что его имя гораздо короче прочих, и захотел знать почему.

– Ну, Дитц, – объяснял Огастес, – у тебя только одно имя. У большинства два. Может, и у тебя было два, но ты одно позабыл.

Пару дней Дитц сидел и думал, но так и не вспомнил, чтобы у него было еще имя, да и Колл это подтвердил. К этому времени даже Огастесу стало казаться, что от вывески больше вреда, чем пользы, поскольку угодить всем никак не удавалось. Единственный выход из положения – придумать еще имя для Дитца, но, пока они перебирали варианты, память Дитца неожиданно прояснилась.

– Джош, – сказал он однажды после ужина, удивив всех. – Верно, я ведь Джош. Вы так написать можете, мистер Гас?

– Джош – это сокращенное от Джошуа, – сказал Огастес. – Могу написать любое. Джошуа длиннее.

– Напишите которое подлиннее, – попросил Дитц. – Я слишком много делаю для короткого имени.

В этом заявлении было мало смысла. Кроме того, им так и не удалось узнать, каким образом Дитц умудрился вспомнить свое второе имя. Огастес написал на вывеске: «Дитц, Джошуа», поскольку «Дитц» уже было написано. К счастью, тщеславие Дитца не распространялось так далеко, чтобы потребовать звания, хотя Огастес еле удержался от искушения зачислить его в пророки, что вполне бы сочлось с «Джошуа»[12]. Но Колл впал в истерику, стоило ему об этом упомянуть.

– Мы станем посмешищем для всей страны, – сказал он. – Вдруг кто-нибудь придет к Дитцу и потребует пророчество?

Самому Дитцу идея пришлась по душе.

– Да я вполне справлюсь, капитан, – сказал он. – Я предскажу жару и еще засуху и возьму с них деньги.

Когда вопрос с именами был утрясен, остальное труда не составляло. Кое-что они сдавали в аренду, а кое-что продавали. Лошадей и фургоны или, по крайней мере, лошадей и один фургон они сдавали в аренду, как и рессорную коляску без рессор, которую они купили у Ксавье, после того как ею придавило его жену Терезу. На продажу шли лошади и скот. Немного подумав, Огастес приписал: «Коз и ослов не покупаем и не продаем», поскольку у него не хватало терпения для коз, а у Колла его и вовсе не было для ослов. Затем, еще подумав, добавил: «Свиней напрокат не сдаем», из-за чего снова возник спор с Коллом.

– Слушай, они подумают, что мы свихнулись, – сказал он. – Никто в здравом уме не захочет напрокат свинью. Что ты будешь делать с арендованной свиньей?

– Ну, свинья может делать много полезного, – сказал Огастес. – Переловить змей в погребе, если есть погреб. Или впитывать в себя грязные лужи. Засунь несколько свиней в грязь, и оглянуться не успеешь, как никакой грязи не будет.

---

[12] *Book of Joshua* – Книга Иисуса Навина (шестая книга Ветхого Завета, первая книга в разделе «Пророки»).

День выдался чудовищно жарким, и Колл весь взмок от пота.

– Ты мне покажи грязную лужу, я ее сам высушу, – предложил он.

– И вообще, Колл, вывеска – она ведь вроде зазывалы. Надо, чтобы человек остановился и подумал, чего ему хочется в жизни в ближайшие несколько дней.

– Если он хочет взять свинью напрокат, то не надо мне таких клиентов, – сказал Колл.

Предупреждение насчет свиней завершило вывеску, к удовольствию Огастеса, по крайней мере на некоторое время. Но прошел год или два, и он решил, что рекламе следует придать больше достоинства, прибавив латинское изречение. У него имелся учебник латыни, когда-то принадлежавший его отцу. Основательно потрепанный, тот долгие годы провел в седельной сумке. В конце имелось несколько страниц с девизами, и Огастес потратил много счастливых часов, решая, который будет выглядеть лучше всего в нижней части вывески. К сожалению, девизы приводились без перевода; видимо, считалось, что, если студенты добрались до конца учебника, они уже должны уметь читать по-латыни. Огастес с этим языком был знаком шапочно, да и углубить свои знания возможности не имел: однажды он попал в ледяной шторм на равнине и был вынужден вырвать часть страниц, чтобы разжечь огонь. Он не замерз, но заплатил за это большей частью грамматики и словаря. Оставшиеся страницы не могли ему помочь в переводе девизов. Но, поскольку он полагал, что латынь здесь только для общего впечатления, он выбрал тот, который, с его точки зрения, лучше всего выглядел. Итак, он остановился на *Uva uvam vivendo varia fit*[13], который показался ему прекрасным девизом, что бы он там ни значил. Однажды, когда никого рядом не было, он вышел и приписал его внизу вывески, сразу после «Свиней напрокат не сдаем». Теперь он считал свое творение завершенным. В целом вывеска выглядела следующим образом:

[13] *Зд.:* Вино, оживляя, рождает разнообразие *(лат.)*.

СКОТОВОДЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ШЛЯПНОГО РУЧЬЯ
И ПРОКАТНЫЙ ЭМПОРИУМ

Кап. Огастес Маккрей
Капитан В. Ф. Колл } *владельцы*
Г. Г. Паркер *ковбой*
Дитц, Джошуа

Сдается напрокат: лошади и фургоны
Продается: скот и лошади
Коз и ослов не покупаем и не продаем
Свиней напрокат не сдаем

UVA UVAM VIVENDO VARIA FIT

Огастес не обмолвился ни словом о девизе, и прошло добрых два месяца, прежде чем его заметили, что показывает, как ненаблюдательны были жители Одинокого Голубя. Огастес ужасно разобиделся, что никто не оценил его идею приписать латинский девиз, чтобы все въезжающие в город могли его видеть, хотя, по правде сказать, те, кто въезжал, обращали на вывеску так же мало внимания, как и те, кто уже в него въехал, – наверное, потому, что добраться до Одинокого Голубя было делом нелегким и изнуряющим. Те немногие, кто отважился на такой подвиг, не хотели останавливаться и штудировать вывеску эрудита.

Еще обиднее, что и среди его собственных друзей никто не заметил девиза, даже Ньют, от которого Огастес ждал большей восприимчивости. Разумеется, двое из их компании были полностью неграмотны, даже трое, если считать Боливара, и не сумели бы отличить латынь от китайского. И все равно их равнодушие к вывеске как части пейзажа заставило Огастеса поразмышлять, как часто привычка приводит к пренебрежению.

Колл наконец однажды увидел девиз, но только потому, что именно напротив вывески его лошадь умудрилась потерять подкову. Когда он наклонился за подковой, то взглянул на вывеску и заметил какую-то странную надпись после слов о свиньях. Он догадывался, что слова латинские, но это не объясняло их присутствия. В тот самый момент Огастес на веранде беседовал с бутылью и старался скрыться из вида.

– Чего ты еще такого там намарал? – спросил Колл. – Тебе что, надписи про свиней недостаточно? Что там сказано в этом последнем предложении?

– Там немного на латыни, – сказал Огастес, ничуть не обеспокоенный сердитым тоном партнера.

– Почему латынь? – сказал Колл. – Мне казалось, ты учил греческий.

– Когда-то знал буквы, – пояснил Огастес.

Он был порядком пьян и печалился от того, насколько опустился. В особо трудные годы греческий алфавит буква за буквой исчезал из его памяти, так что свеча знаний, с которой он пустился в путь, выгорела до жалкого огрызка.

– Так что там сказано по-латыни? – спросил Колл.

– Это девиз, – объяснил Огастес. – Он говорит за себя. – Он твердо вознамерился скрывать доколе возможно свое неведение о смысле девиза, и, в сущности, это никого не касалось. Он написал его на вывеске – теперь пусть другие читают.

Но Колл сразу уловил.

– Ты сам не знаешь, – сказал он. – Да там может быть все, что угодно. Может, ты даже приглашаешь людей нас ограбить.

Это рассмешило Огастеса.

– Если появится бандит, умеющий читать на латыни, так пусть грабит меня, я не против. Готов рискнуть, чтобы для разнообразия пристрелить образованного человека.

С тех пор вопрос о девизе или целесообразности его присутствия на вывеске всплывал время от времени, если не находилось другого повода для спора. Из всех тех, кому приходилось жить по соседству с вывеской, больше всех она нравилась Дитцу, поскольку во вторую половину дня от бывшей двери падала какая-никакая тень, где он мог посидеть и обсохнуть.

Другим она никакой пользы не приносила, так что зрелище двух всадников, читающих вывеску жарким днем, вместо того чтобы мчаться в Одинокий Голубь и поскорее промочить пыльное горло, выглядело весьма необычным.

– Не иначе как профессора, – сказал Дитц. – До чего читать любят.

Наконец всадники подъехали к сараю. Один – коренастый и с красным лицом – был в возрасте капитана; второй, мелкий как дворняжка, был с рябым лицом и здоровенным револьвером, пристегнутым к ноге. Старшим явно был красномордый. Его вороной конь наверняка вызывал зависть всех ковбоев. Мелкий ехал на лошади грулло[14] с почти провисшей спиной.

– Парни, меня зовут Уилбергер, – сказал старший. – Чертовски забавная у вас там вывеска.

– Ее мистер Гас написал, – сказал Ньют, стараясь быть приветливым. Наверное, мистеру Гасу будет приятно, что наконец-то кто-то способен оценить вывеску по достоинству.

– Однако я бы ужасно расстроился, если б хотел взять напрокат свинью, – сказал Уилбергер. – Человека, желающего взять напрокат свинью, не стоит останавливать.

– Его бы остановили, появись он здесь, – сказал Ньют, немного подумав. Все остальные молчали, и ему подумалось, что замечание Уилбергера требует ответа.

– Так это что – скотный двор или вы, ребята, из цирка сбежали? – спросил Уилбергер.

– Ну, мы малость занимаемся скотом, – сказал Глаз. – А сколько и чего вам надо?

– Мне нужно сорок лошадей, которых, судя по вывеске, вы продаете, – сказал Уилбергер. – Шайка проклятых мексиканцев две ночи назад угнала почти всех наших верховых лошадей. Меня стадо ждет по ту сторону реки, и я не собираюсь гнать его в Канзас пешком. Мне один приятель сказал, что вы можете достать лошадей. Это правда?

---

[14] Лошади породы грулло отличаются дымчатой или голубовато-серой шерстью, а гривы, хвосты и нижние части ног у них черные.

– Ага, – сказал Гороховый Глаз. – Более того, мы можем погоняться за этими мексиканцами.

– У меня нет времени болтать о мексиканцах, – сказал Уилбергер. – Если вы, джентльмены, можете достать мне сорок хорошо объезженных лошадей, мы вам заплатим и уедем.

Ньют чувствовал себя неловко. Он прекрасно понимал, что ни о каких сорока лошадях не может быть и речи, но ему смерть как не хотелось в этом признаваться. К тому же, как младшему из всех, ему не подобало выступать.

– Вам лучше поговорить об этом с капитаном, – предложил он. – Капитан занимается всеми сделками.

– Ах вот как, – сказал Уилбергер, вытирая пот со лба рукавом рубашки. – Если бы я увидел капитана, то к нему бы и обратился, вместо того чтобы терять время на вас, клоунов. Он где-нибудь здесь живет?

Глаз показал на дом в пятидесяти ярдах в зарослях чапараля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.